Размах крыльев. Книга 1

Автор:
Надежда Волгина

Размах крыльев.

Надежда Волгина

Размах крыльев #1

Что делать той, кого отец проиграл в карты? Да не кому-нибудь, а Асмодею – одному из самых страшных демонов подземного царства, повелителю азартных игр. Как выжить там, где тебя окружают чудовища, где на каждом шагу подстерегает опасность? И можно ли избежать любви в этом богом забытом месте? В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.

Пролог

Глупости говорят, что в момент смерти перед глазами проносится вся жизнь. С уверенностью отвечаю, что ничего подобного я не испытывала, стоя на шаткой доске, слыша бурление и шипение под собой и задыхаясь от жара пропасти. А вот как чувствуют себя слепые я поняла сразу же, стоило только плотной повязке опуститься на глаза. Даже серые краски действительности померкли. Их место заняла чернота. Меня лишили зрения, а слух обострился до предела.

Ни единый звук не нарушал тишину, но я слышала ее отчетливо. Она звенела в ушах, отдавая гулом в голове. Все замерли в ожидании захватывающего шоу, но я улавливала их судорожное дыхание, подпитываемое крайним любопытством. Тихо всхлипывала жертва, и это было единственным реальным звуком в пространстве, что окружало меня. Меня ждала верная смерть, а ее избавление от мучений, и все остальные именно этого ждали.

Нога скользнула по доске, по телу прошла судорога страха, которую я сразу же прогнала. Протяжный скрип прорезал тишину. Вот тут обостренный слух обманул меня. То ли застонала клетка с жертвой, то ли рассохшееся от жара дерево под моими ногами. Я перенесла центр тяжести и подтянула вторую ногу. Один шаг навстречу смерти сделан. Осталось еще каких-то пятнадцать-двадцать шагов, и на каком из них все закончится я не могла просчитать. Но и быстро сдаваться тоже не планировала. Хотите зрелищ? Вы их получите, только потом не жалуйтесь, что шоу затянулось.

Я вытянула руки в стороны, подражая эквилибристам в цирке, и сделала еще один маленький шаг. Тело резко повело, бок опалило жаром. Но мне удалось удержать равновесие. Подождала, пока перестанет качаться доска и скользнула дальше. Третий шаг, четвертый… Теперь я точно знала, что скрипит доска подо мной и с каждым шагом все протяжнее. Тринадцатый шаг стал роковым. И хоть я была готова к этому, но испытала секундный шок, когда нога провалилась в пустоту. Вот и все. Именно в этот момент в голове пронеслись мысли, но с такой калейдоскопической быстротой, что ни одну из них я не зафиксировала.

Глава 1

Я слышала, как ссорятся родители. Закрылись в комнате и орут друг на друга самозабвенно. Спрашивается, зачем было закрываться? Могли бы прийти сюда и пособачиться у меня на глазах. Все равно слышу каждое их слово. И так настроение паршивое, потому что в универе ничего не успеваю. Понятно, что сама виновата – вовремя все нужно было делать, а ни когда подошло время консультаций и защиты проектов. Я же весь семестр прогуляла, а в конце ноября опомнилась. Еще не хватало, чтобы на четвертом курсе меня отчислили.

Снова попыталась сосредоточиться на том, что читала, но вместо этого прислушалась к очередной едкой маминой реплике:

– Надоело жить в нищете! Я, как могу, пытаюсь отложить эти крохи, а ты и их все спускаешь.

Отец в долгу не оставался – орал что-то на тему, хорошенькая нищета, когда полки в холодильнике ломятся от припасов. Тут я с ним была согласна,

продуктов в дом он тащил более чем достаточно. И опять же, в этом вопросе вставала на мамину сторону, что столько нам не нужно. У папы в этом плане был пунктик – колбасы он покупал несколько видов, всегда формировал запас тушенки, рыбных консервов, сгущенки… Ну куда столько? Наверное, это шло из детства, когда они с бабушкой жили впроголодь на ее зарплату учительницы. Но сейчас же и время другое. Не нужно создавать стратегический запас, в магазинах всего полно, были бы деньги. Кроме того, в нашей семье было заведено, что по магазинам ходит он. По началу мама нормально это воспринимала, а потом сопротивляться было поздно – отец ни в какую не хотел менять заведенный порядок. Считалось, что таким образом он избавляет ее от лишних забот, облегчает жизнь.

И дело было даже не в этом. Отец очень хорошо зарабатывал. Хватало бы на все, если бы несколько лет назад у него не появилась тайная болезнь. До поры тайная. Пристрастился он к рулетке – несколько раз в неделю мотался в казино. Частенько проигрывался там в пух и прах. Естественно, спускал все отложенные деньги, которые сам же и зарабатывал. Куда бы мама не прятала их, находил, словно чуйка у него какая-то была на этот счет. И как излечить его от этой пагубной страсти, мы с мамой ума не прилагали. Чего только не перепробовали – к психиатру записывали, к знахарке водили, пытались увещевать. Все бесполезно, в назначенный день он снова отправлялся в казино.

В общем, тут я с мамой тоже была солидарна. Постепенно только полный холодильник и характеризовал нас, как состоятельных людей. А на деле я уже давным-давно не могла покупать себе так часто, как хотелось бы, что-то из обновок. Плату за учебу вносили всегда с опозданием. Мама все чаще перехватывала денег у соседей или родственников до папиной зарплаты. И дома не скапливалось ничего на непредвиденные расходы.

Все чаще я подумывала бросить университет, но мама бы этого не пережила. Если у папы был пунктик по части еды, то у мамы это касалось учебы. Вбила себе в голову, что должна непременно дать дочери высшее образование и запрещала мне даже заговаривать на эту тему. А я откровенно не тянула. Даже не думала, поступая на архитектурный, что будет так тяжело. Я-то думала, что тут сплошное творчество, а на деле оказалось все совсем не так. Мало того, что чертить приходилось до одури, так еще и расчетов делать тоннами. Творчество, мать его! Одно название.

Слава Богу, вроде перестали кричать. Оставалось надеяться, что родители не поубивали друг друга. Не успела подумать, как услышала звук захлопываемой двери. Все ясно – отец ничего лучше не придумал, как снова отправиться в казино. Проклятая зависимость! Маму жалко…

Я вышла из комнаты и отправилась на ее поиски. Мама сидела на кухне, подперев голову и шмыгая носом.

– Не могу так больше, – посмотрела она на меня. – Может, нам развестись?

Она просила совета, а что я могла ответить? Конечно же, я не хотела, чтобы родители разводились, но и понимала, что дальше так продолжаться не может.

– Мам, решай сама, – опустилась я на соседний стул и обняла ее. – Ты же знаешь, что я всегда тебя поддержу.

Но и отца мне было жалко. Я его очень сильно любила, как и он меня. Понимала, что азарт – это болезнь, и ее нужно лечить. Но как, одному Богу известно.

С мамой мы засиделись на кухне допоздна. Распили бутылочку вина, поболтали за жизнь, как частенько делали. Я видела, как она оттаяла и снова с оптимизмом взглянула на жизнь. А что еще для меня может быть важнее? Естественно, ни какой-то там архитектурный проект.

Ночью меня разбудил отец.

– Алина, проснись, – тряс он меня за плечо.

– Пап, ты чего?

Я уселась в кровати и уставилась на него. В темноте не могла разобрать, как он выглядит, но вроде трезвый.

– Тебе нужно срочно уехать, – голос его звучал неестественно глухо, словно он изо всех сил старался говорить тихо, когда хотелось кричать во все горло.

– Куда? Зачем? – я не понимала ровным счетом ничего, как и проснуться до конца не могла.

– Поедешь к тете Лене, в Самару. А потом посмотрим…

Тетя Лена – мамина сестра, жила в Самаре. Это двести километров от нас. Мы частенько наведывались к ней в гости по выходным. Своих детей у нее не было, и ко мне она относилась, как к дочери. Они даже с мамой шутили, что одна я у них на двоих.

Конечно, против возможности погостить у нее я ничего не имела. Но не сейчас же, когда идет защита проектов и на носу зачетная неделя и сессия.

– Пап, я не могу. У меня учеба, – как можно спокойнее проговорила я. Понимала, что эмоции сейчас проявлять нельзя. Отец был явно не в себе. Уж не обкурился ли он травки?

– Ты должна! – повысил голос он, но тут же опять перешел на шепот. – Так надо, доча.

– Да зачем?! Можешь ты объяснить, кому это надо?

Я уже тоже едва сдерживала себя. Мало того, что разбудил среди ночи, а с утра мне к первой паре, между прочим, так еще и несет чушь какую-то про отъезд.

– Моя жизнь в опасности, да и твоя тоже… – голова отца свесилась на грудь, словно разом его покинули силы.

Во что еще он влип? Я почувствовала, как на голове зашевелились волосы от ужаса. Уж не мафия ли ему угрожает?

– Пап, давай завтра спокойно все обсудим и придумаем, как лучше поступить…

– Нет! – снова перебил он. – Завтра может быть поздно. Ты должна уехать сегодня же. Я сам тебя отвезу к тете Лене. Надо бы подальше, подальше, – забормотал он, словно забыв про меня. Я даже испугалась, не сошел ли отец с ума на почве азарта. – Это слишком близко, он найдет ее.

– Да кто найдет, пап? Кто? – затормошила я его за плечо. – Папочка, расскажи мне толком, что случилось? Кто нам угрожает и чем?

– Не могу, – совсем сник он и сгорбился, как столетний старик. – Доигрался я, доченька, – чуть не плача, произнес он. – И теперь ты в опасности. Все! Больше ничего не могу сказать. Быстро собирайся, мы едем сейчас же, – он потянул меня за руку, заставляя покинуть такую уютную и теплую постель.

Я зябко куталась в дубленку, пока отец прогревал машину. В салоне сидеть было еще холоднее. Морозы уже держались серьезные, а вот снегу выпало мало. Точнее его не было совсем, лишь тонкая ледяная корка покрывала асфальт и промерзшую землю.

Я с тоской посмотрела на темные окна нашей квартиры, на четвертом этаже. Мама спала крепким после вина сном. Разбудить ее отец не позволил, даже поцеловать на прощание не разрешил. Все время, пока собирала сумку, он стоял рядом и подгонял меня. Постепенно его нервозность заразила и меня. Я продолжала ровным счетом ничего не понимать, но уже жутко боялась. И почему-то в этот момент мне подумалось, что маму я увижу не скоро, если увижу еще вообще когда-нибудь.

По щеке скатилась одинокая слеза, которую я сердито смахнула. Я не знала, что будет с моей учебой дальше. Заручилась только обещанием отца сходить в деканат и оформить академический отпуск. Собственно, этот факт меня волновал меньше всего. Я даже радовалась тайком, что можно целый год даже не вспоминать про универ. Достал он меня ужасно!

– Садись уже, поехали, – распахнул отец переднюю дверцу нашего хюндая.

Ехали мы долго. Трасса была скользкая, и отец не разгонялся. Я сначала пыталась хоть что-то выведать у него, но когда поняла, что он не скажет ни слова, откинулась на спинку сидения и задремала.

Тетя Лена нас не ждала. Отец хоть бы предупредил, позвонил ей. Да и я тоже хороша, не подумала об этом.

– Что случилось? – побледнела она, когда заспанная открыла дверь. Еще не было и шести утра. Конечно, все нормальные люди спят, а не зевают, как я, того и гляди рот порвется.

– Успокойся, Лен, все нормально, – поспешно заговорил отец, заталкивая меня в ее квартиру и закрывая за нами дверь. – С Юлей (моей мамой) все в порядке. И с нами тоже. У Алинки вот только неприятности, – ткнул он меня локтем. – Можно она поживет у тебя какое-то время?

Здрасти, приехали. Оказывается, неприятности у меня. Горазд же ты, папочка, врать. А я, скажите на милость, что буду придумывать, когда тетя устроит мне допрос с пристрастием? Об этом мне сейчас совершенно не хотелось думать. Больше всего мечтала завалиться в мягкую постель.

Тетя Лена устроила меня с комфортом – выделила собственную комнату, застелила диван и велела ложиться спать. Мудрая она у нас, расспрашивать не стала, видела, что я едва стою на ногах. Да и я уговаривать себя не заставила – тут же завалилась спать, решив подумать обо всем спокойно, когда проснусь отдохнувшая. Да и папу можно будет попытаться расспросить поподробнее, авось станет разговорчивее.

Проспала я до полудня и очень расстроилась, когда тетя Лена сказала, что папа уже уехал.

– Так он и не задержался, – успокаивала она меня, в чем не очень-то и преуспевала. – Почти сразу уехал. Ладно, хоть чаем его напоила. Как ни уговаривала отдохнуть, ни в какую не соглашался. Сказал, на работу должен успеть…

На работу. Конечно! Я-то точно знала, что сегодня у него выходной, и удрал он только потому, что не хотел отвечать на вопросы тети. И посыпались они на мою голову:

– А чего это у вас случилось? Какие такие неприятности у тебя, что аж из города пришлось уехать? – подозрительно прищурилась тетя Лена.

Спасибо, папа, тебе еще раз! Вот что мне сейчас плести в твое, между прочим, оправдание?

– Да там такое… – замялась я, придумывая, что соврать, а получилось вполне естественно. – С парнем я поссорилась, а он не совсем нормальный оказался. Ну, ты понимаешь… С головой не все в порядке. Преследовать меня стал, угрожать. Идиот какой-то. Вот мама с папой и испугались, отправили меня к тебе, – врала я самозабвенно и даже не краснела.

Единственно, промелькнула мысль, как папа все будет разруливать? Что скажет маме, когда она спросит, где я? А если мама решит позвонить своей сестре, та начнет рассказывать про меня, а мама и не знает, что я тут… Ох, что-то аж голова разболелась от всех этих мыслей. Пусть уж папа как-то сам разруливает ситуацию. А я лучше воспользуюсь долгожданным отпуском и бездельем.

Правда, чем можно заняться в городе, где у меня нет друзей, я не знала. Поэтому, ничего лучше не придумала, как проваляться с книгой на диване до самого вечера. Потом до ночи смотрела кино, пока меня не сморил сон. Незадолго до этого проводила тетю Лену на работу – сегодня у нее была ночная смена.

Пробуждение свое не могу назвать приятным. С меня просто-напросто сдернули одеяло, когда мне как раз снилось что-то романтическое.

– Киска, – ворвался в сознание противный мужской голос. Вернее, сам голос мог бы быть приятным, если бы не ехидные интонации в нем. – Пора вставать.

В первый момент я даже не сообразила, что вижу рядом с собой мужской силуэт, залитый лунным светом, подающим из окна. Приснится же такое… Но уже через пару секунд я проснулась окончательно. Рядом с диваном стоял здоровенный мужик и разглядывал меня. Лица его я не видела, но поняла, что одет он во что-то типа длинного кожаного плаща. Волосы блестят и зачесаны назад, так гладко-гладко… Это я тоже успела рассмотреть, пока паника не парализовала меня.

Стоило только осознать, что все это мне не снится, и в дом проник посторонний мужчина, как мне стало настолько страшно, что сил хватило только забиться в угол дивана и натянуть до подбородка одеяло. Где-то по касательной

пронеслась мысль, как хорошо, что дома нет тети. Значит, она точно не пострадает, а я, по всей видимости, доживаю последние секунды.

– Ты часом не глухая? – вновь заговорил мужчина. – Только этого не хватало… Эй, – помахал он перед моим лицом, – может ты еще и слепая?

Ответа он так и не дождался, учитывая, что от всепоглощающего страха я потеряла способность мыслить, двигаться и говорить.

– Черт! – выругался он. – Прости, брат, – пробормотал тут же. – Час от часу не легче…

С этими словами он схватил меня за плечи и выдернул из кровати. Поставил прямо перед собою. Вернее, хотел поставить, но ноги меня отказывались держать. Это пришлось делать ему. Отстраненно услышала какой-то монотонный звук. С опозданием поняла, что это я подвываю, даже поскуливаю, как подбитая собака.

– Ладно хоть не немая, – усмехнулся мужик, закинул меня на плечо, а дальше… я даже не поняла, что произошло дальше, только мы оказались совершенно в другом месте.

Глава 2

Я просто отупела, даже боли не почувствовала, когда меня, не церемонясь, стряхнули на пол.

В ту же секунду я осталась одна, как поняла по звуку удаляющихся шагов и бормотанию на тему, как надоела ему эта работенка. Кажется, сейчас я должна себя почувствовать виноватой. Только вот я никого не просила куда-то меня тащить. Кроме того, разболелась ушибленная коленка. Да так сильно, что я опять не выдержала и заскулила.

Кругом царила такая плотная темнота, что не будь я уверена в обратном, решила бы, что резко ослепла. Я потрогала то, на чем сидела. Очень похоже на

утрамбованную землю, а значит, я на улице. Куда делась, тогда, зима и куча снега? Почему нет запахов, присущих улице, дуновения ветерка, шелеста листвы, пения птиц?.. Ну и что, что ночь. Ведь есть и ночная жизнь, а она тоже издает звуки.

Даже сама не понимала, почему считаю это место улицей. Не только из-за того, что сидела и уже подмерзала на сырой земле. Наверное, еще и потому что тело обволакивала прохлада, свойственная летней глубокой ночи.

Я задрала голову и не увидела ровным счетом ничего. Ни луны, ни звезд – все такая же темнота над головой.

Под тонкую сорочку уже вовсю проникал ночной холод и гладил кожу ледяными пальцами, рождая дрожь в теле. Нужно было хоть что-то предпринять. Встать я не смогла, когда попробовала, и поняла, что ногу прострелила резкая боль, вновь заставившая меня застонать. Тогда я прямо как сидела, на попе, так и принялась ползти, помогая себе здоровой ногой. Новая боль не заставила себя ждать, когда я ударилась пострадавшей коленкой обо что-то твердое.

– Черт! – руганулась я, уже вовсю исследуя препятствие. Каково же было мое удивление, когда поняла, что сижу рядом с огромной кадкой, в которой, по-видимому, растет какое-то дерево. Это я определила, нащупав плотный толстый лист овальной формы.

В тот же миг место, что показалось мне забытым и богом, и людьми, наполнили звуки музыки и громкий смех. Толпа по-праздничному разодетых людей выбежала в распахнутые двери. Воздух прорезал пронзительный свист, и в следующее мгновение небо надо мной взорвалось миллионом разноцветных вспышек. Залпы следовали один за другим. Они взрывались прямо над моей головой, да так низко, что от грохота страдали мои барабанные перепонки, и я боялась оглохнуть. Еще громче смеялись люди, слышались хлопки открывающихся бутылок, звон стекла. И музыка – пронзительная, застывшая на высоких нотах, сводящая с ума.

Я заткнула уши и спрятала голову в коленях, чтобы хоть чуть-чуть стало тише и ничего не видеть.

– Черт, черт, черт… – скулила я. – Куда же меня занесло? И когда же это кончится?

– Кто ты и что тут делаешь? – услышала я строгий голос рядом. В хаотичных всполохах и сквозь слезы, застилающие глаза, удалось рассмотреть мужской силуэт. – Зачем отрываешь меня от праздника?

– Я?.. Я не… – уже начала я оправдываться, как меня снова перебили:

– Чего тут сидишь, обнявшись с вивинтией? Вон смотри, и цветок ее почти лежит у тебя на голове… Удушьем давно не страдала?

Удушьем?! Я задрала голову и практически уткнулась взглядом во что-то темное и мохнатое.

– Одно ее прикосновение, и ты не сможешь нормально дышать две недели, – продолжал напутствовать голос, принадлежащий мужчине, которого я по-прежнему не могла рассмотреть.

Речь об удушье до такой степени меня напугала, что я забыла про боль в колене и отползла от цветка на безопасное расстояние.

– Может все же ответишь, кто ты такая?

– Я… Алина, – не придумала ничего лучше, как назвать свое имя.

– Алина-малина… – передразнил он и уже почти по-свойски огорошил: – Ладно, Алина, пойдем ка отведу тебя в более подходящее место, а то придется стать участницей оргий. А к ним ты, как я вижу, совершенно не готова.

Что-то моя голова уже отказывалась думать. Про какие оргии идет речь? Тут творится что-то непристойное?..

– Может, все-таки скажешь, как ты сюда попала? – вновь заговорил мой провожатый.

Мы передвигались в полнейшей темноте. Я постоянно спотыкалась, хоть он и придерживал меня за талию. Да еще и коленку простреливало при каждом шаге. Очень надеялась, что с чашечкой все в порядке и не придется несколько месяцев провести в гипсе. Ото всюду слышалась музыка, действующая мне на нервы, и смех. Но никаких светящихся окон или чего-либо еще, через что можно рассмотреть праздник, я не заметила. Справа от меня тянулась глухая стена, как определила на ощупь, а слева… даже не знаю что. Я и провожатого-то не видела, только ощущала, как руки мои прикасаются к чему-то из грубой шерсти, и удивлялась, что он летом так тепло одет. О том, что в разгар зимы я оказалась в лете, старалась вообще не думать, рискуя сойти с ума.

– Если бы я знала… Меня выдернул из постели какой-то верзила. Оскорбил по-всякому и притащил сюда.

– Верзила? – переспросил мой спаситель. – Вельзевул что ли? А он говорил что-то?

– Ничего, кроме ворчания, как это все ему надоело.

– Ну точно! Вельзевул – проводник. Он все время недоволен своей работой. А кто ему виноват, если сам подвязался лет сто назад?.. Постой ка! – он резко притормозил. – А для кого он тебя притащил? И зачем?

– Откуда же я знаю! – всхлипнула я, чувствуя, как слезы того и гляди польются безостановочным потоком.

– Так, спокойно, разберемся, – прикрикнул он, не знаю кто, и еще более резво потащил меня вперед, так что раненую ногу я уже практически волокла за собой и слезами захлебывалась уже от боли. – Сейчас я оставлю тебя с девочками, в нашей больничке, а сам разыщу этого нытика и все узнаю. Идет?

Я лишь еще горше зарыдала, не желая во все это верить и мечтая проснуться.

Наконец-то мы остановились. Что-то щелкнуло, и в лицо мне ударил яркий свет, от которого я надолго ослепла. Как не пыталась проморгаться, какое-то время шла наощупь. Вернее, ковыляла…

– Где ты ее нашел, такую замухрышку? – пропел мелодичный, ласкающий слух женский голос. – И что с ее ногой?

Меня передали в ласковые руки, что сразу же бережно усадили на что-то мягкое. Все это время я продолжала ничего не видеть, правда, и глаза мои были плотно зажмурены. Их я просто-напросто боялась открывать.

– Лили, иди сюда. Это по твоей части, – пропел то же голос, и я рискнула приоткрыть один глаз.

Передо мной стояла удивительно красивая девушка. Вернее, женщина. Или девушка?.. Поймала себя на том, что смотрю на нее, открыв рот. А как откровенно она одета! Блестящее платье обтягивало ее аппетитную фигуру, словно змеиная кожа. Более чем откровенное декольте больше показывало, чем скрывало. Ярко-рыжие волосы крупными локонами спадали на плечи. Чувственные губы выделялись ярко-алым пятном на безупречном, с кожей цвета топленого молока лице.

– Нравлюсь? – крутанула она бедрами, и только тогда я догадалась закрыть рот, чувствуя, как лицо заливает жаркий румянец. – Я всем нравлюсь, не тушуйся, – рассмеялась она, и смех ее зазвенел в комнате, которую… мне нужно рассмотреть.

Я резко развернулась и увидела такое, что заставило заорать меня во все горло. Я кричала и не могла не смотреть. Черт! Черт! Черт! Передо мной был самый настоящий черт – с рогами, копытами и хвостом. На хвосте даже разглядела кисточку. Все тело его было покрыто коричневой шерстью. Из предметов одежды – только короткие шорты, что обтягивали… Вот тут я, не переставая орать, округлила глаза. Его гениталии под шортами выглядели так, словно он готов ринуться в бой хоть сейчас. Еле заставила себя перевести взгляд на лицо. С темного, как у афроамериканца, лица на меня смотрели совершенно европейские черные и лукавые глаза. Губы кривились в улыбке, открывая белые и все как один острые зубы.

– Никогда не видела черта что ли? – замахал он руками и процокал копытами (да-да, самыми настоящими) ко мне ближе.

Мой крик уже перерос в постоянную икоту. Я вжалась всем телом в то мягкое, на чем сидела, и затравленно смотрела, как он приближается.

– Разрешите представиться, – протянул он мне мохнатую руку. – Черт Федор – самый популярный и соблазнительный здесь.

– И самый скромный, – хихикнула красавица, что спокойно взирала на нас. Мой крик ее не то чтобы не смутил, а даже позабавил, судя по довольному выражению лица. – Выпей, дорогая, – протянула она мне бокал, наполненный янтарной жидкостью. – Это остановит икоту и поможет расслабиться.

Уговаривать себя не заставила. Да и пить хотелось жутко. В бокале оказалось наиприятнейшее вино – в меру терпкое и сладкое. Осушив бокал залпом, я почувствовала, как по телу заструилось блаженное тепло, а в голове появился легкий туман. Именно он и позволил мне взглянуть на Федора уже без былого страха.

– Умница, – промурлыкала девушка. – Лили! Ну, где ты там?! – гаркнула она так, что я подскочила от неожиданности. Какие же они тут темпераментные. – Федор, иди отсюда! Не нарушай стерильность.

– Да, подумаешь… Не больно-то и хотелось, – развернулся он на своих копытах. – Ее приведите в порядок, – обернулся напоследок. – Чтобы как новенькая была. А я пока Вельзевула разыщу. Узнаю, кто она, откуда и для кого он ее притащил, – и ушел, напевая себе под нос: – Мы в ответе за тех, кого приручили…

Пресловутой Лили по-прежнему не было. А рыжеволосая и вовсе решила забыть обо мне и моей ноющей коленке. Ну тогда и я позволила себе рассмотреть комнату.

Собственно, рассматривать тут было и нечего. Я утопала в белоснежном кресле, и таких кресел тут еще имелся с добрый десяток. Возле каждого стояло по маленькому, типа сервировочного, столика, уставленных всевозможного размера склянками. Из одной такой рыжеволосая себе сейчас наливала ярко-желтую жидкость в бокал. Стены, пол и потолок в комнате тоже были белыми. Я бы сказала, здесь царила абсолютная стерильность. Ярким пятном являлась сама хозяйка этого белого царства, которая, не обращая на меня внимания, пригубила жидкость и аж причмокнула от удовольствия.

– И чего ты горланишь, как ведьма на костре? – с этими словами в комнату вошла женщина, которая показалась мне просто величественно красивой.

Ее черные, как смоль, волосы гладкими прямыми прядями спадали на спину. Огромные синие глаза заволок легкий хмельной туман. Коралловые губы презрительно кривились, открывая взору поистине жемчужные зубы. На ней было ярко-красное платье, тоже облегающее фигуру и струящееся в пол. И что самое странное, ни намека на обувь – из-под платья выглядывали узкие изящные ступни с идеальным педикюром.

– Наконец-то, – встрепенулась рыжеволосая и даже подмигнула мне. – У тебя пациентка.

– И кто это у нас тут? – подошла ко мне брюнетка и поддела пальцем мой подбородок. Повертела голову из стороны в сторону и равнодушно заключила: – Грязненькая, пыльненькая и жутко испуганная… Но толк будет, – расплылась она в улыбке Джулии Робертс. – А теперь займемся твоим коленом.

Она шевельнула рукой, и платье мое само, представляете?!, взлетело по ногам вверх. Я в этот момент едва не лишилась чувств, если бы не выпитый бокал чего-то бодрящего.

– Так-так, – присмотрелась брюнетка. – Здорово ты им приложилась. Но нет ничего, что я не могла бы вылечить, – снова улыбнулась она.

С минуту она проделывала какие-то манипуляции руками над моим коленом. Перестав дышать, я наблюдала, как жуткая на вид рана затягивается у меня на глазах, пока не исчезла совсем. Я перевела взгляд на брюнетку, окончательно потеряв дар речи.

– Не удивляйся, дорогая, – потрепала она меня по щеке. – Перед тобой самые незаменимые гарпии королевства. – Я, как ты уже догадалась, специалист по телесным повреждениям, а Джуди, – с этими словами она привлекла к себе рыжеволосую, уже изрядно набравшуюся ярко-желтой жидкости и с трудом державшуюся на ногах, – просто незаменима, когда нужно заштопать душевные раны. Ты такими не страдаешь, случайно? – участливо заглянула она мне в глаза.

Максимум, на что хватило сил и сообразительности, так это потрясти головой. Догадываюсь, что со стороны это больше смахивало на нервный тик. Наверное, именно поэтому гарпии дружно рассмеялись. А потом и вовсе принялись целоваться у меня на лазах.

Господи, мамочки! Куда же я попала? Черт Федор, гарпии-лесбиянки… Какие еще сюрпризы ожидают меня впереди?

Слава богу, в этот момент вернулся Федор, которому я обрадовалась, как самому родному в мире человеку. Не смотреть на целующихся красавиц я не могла, а само зрелище вызывало во мне рвотные позывы.

– Фу-фу-фу!.. Ну вы бы хоть новенькой постеснялись, – поморщился Федор, громко цокнув копытом по мраморному полу. – Развели тут…

Надо отдать должное гарпиям – при появлении черта они сразу же отошли друг от друга на безопасное расстояние и занялись каждая своим делом. Единственно, брюнетка пробормотала:

– А мы и не обязаны работать по ночам, когда только и можно нормально развлечься.

– Пойдем, Алина-малина, отведу тебя в твои покои, – кивнул мне Федор, сохраняя непривычную серьезность. Даже странно было видеть на его смешливом лице подобное выражение.

Заставлять уговаривать себя не стала. После всего, что я тут увидела и услышала, голова моя шла кругом, и жутко хотелось спать. Федор словно почувствовал мое состояние и снова вывел меня на улицу, где было все так же тихо и пустынно.

– В общем, я все узнал… – начал было говорить он, но резко оборвал фразу.

Я какое-то время ждала, а потом не выдержала и спросила:

– И что?

– Да вот думаю, как бы тебе все помягче преподнести.

Мне стало совсем дурно, и я вынуждена была опереться на его мохнатый локоть, любезно им же предоставленный. Теперь я понимала, отчего он так серьезно выглядел. Видно новости принес не из разряда приятных. Чуть не попросила его больше ничего не рассказывать, так стало страшно. Но потом трезво рассудила, что лучше горькая правда… Но и вопросов больше не задавала, терпеливо ждала.

– В общем, нашел я Вельзевула, – наконец, продолжил Федор, – и, как я и предполагал, перенес он тебя сюда не для себя. Да и зачем этому верзиле баба? Да и тупой он, только с горгульями и находит общий язык… – тут уж мне показалось, что черт говорит сам с собой, забыв о моем существовании. Но я ошиблась, потому что в следующий момент он остановился и заглянул мне в глаза: – Ты сама-то догадываешься, почему здесь оказалась?

Где, здесь, хотела крикнуть я, но из горла вырвался лишь короткий хрип.

– Как видно, нет, – грустно так подытожил Федор. – Ну что ж… видно, мне первому придется сообщить тебе неприятные новости. Твой папаша проиграл тебя в карты. Понимаешь? – снова приблизил он ко мне свое лицо. – Да не кому-нибудь, а самому Асмодею!

По всей видимости, он думал, что я знаю, кто это. Но я даже отдаленно не представляла. Экзотическое имя мне ни о чем не говорило.

– Эй. Ты чего молчишь-то? – потряс он меня за плечо, выводя из состояния транса.

–А-а-а… к-кто это? – только и нашлась я.

– Асмодей?! – тут мне показалось, что меня сейчас испепелит его презрение, что прозвучало в голосе. – Ну если ты не знаешь, кто он… Тогда я вообще не знаю, что с тобой делать.

– Да, говори уже! – не выдержала и заорала я, вкладывая в крик весь свой ужас и панику, вцепляясь ему в курчавую жесткую шерсть на груди.

– Тише-тише… Ладно хоть в себя пришла, – пробормотал черт, припечатывая свою ладонь к моему рту. – Асмодей – это правая рука самого властителя. Он заведует всеми азартными играми. Страшный демон, его тут все боятся. Эх, и не нашел ведь никого другого твой папаша, чтобы такой цветок проиграть, – Федор чуть не плакал, а я вдруг почувствовала такую вселенскую слабость в ногах, что упала бы, не поддержи он меня.

Папа меня проиграл?! Свою единственную дочь проиграл в карты какому-то придурку?! Я отказывалась в это верить. Этого просто не может быть!

– Но ты не волнуйся раньше времени, – быстро-быстро зашептал Федор. – У Асмодея баб, как сорняка в огороде. Авось, не хватится тебя какое-то время, если будешь вести себя тихо, как мышь. Тут ведь главное что – не высовываться по ночам. А днем тут безопасно, гуляй, где вздумается.

– Федя, пожалуйста, молю тебя, отведи меня домой, – я уже вовсю плакала, размазывая слезы по лицу.

– Я бы и рад, Алина-малина, да не могу. Мне ходу туда нет… Да и не сможешь ты уйти, пока сам Асмодей тебя не отпустит. Ну, пойдем, тебе нужно отдохнуть.

От сочувствия в голосе черта мне стало совсем дурно. Я уже не понимала, что делаю, куда иду, ведомая заботливой рукой…

– А где я? – вдруг словно осенило меня.

– Ты еще не поняла? – Федор снова остановился и воззрился на меня, как догадывалась, словно на преступницу. – Ты в царстве властителя тьмы!

– Ты хочешь сказать, что я у Лю…

– Тише ты, дурища! – зашипел он и снова заткнул мне рот. – Его по имени никто не называет. Все зовут его Астрием, в честь отца. Если назовешь настоящим именем, услышит и тут же разорвет тебя. Запомни!

Мы все куда-то шли, поворот следовал за поворотом, пока Федор резко не остановился и не открыл дверь, ведущую в узкий коридор, залитый

приглушенным светом. Звуки музыки сюда еле проникали, веселящиеся остались от нас далеко. И слава богу! Видеть еще кого-то мне не хотелось.

– Это покои Асмодея. Здесь тебе выделили комнату, – пояснял Федор, следуя по коридору, который, впрочем, очень быстро уперся в одинокую дверь. – Я замолвил за тебя словечко, и наш завхоз отвел тебе изолированную комнату…

В этот момент он уже распахивал дверь в мою личную, как догадалась, темницу. Впрочем, комната на первый и очень утомленный взгляд производила приятное впечатление. Из мебели в ней были только огромная кровать под розовым балдахином, от вида которой у меня сразу лицо залило жаром, комод на кривых ножках, пара кресел и что-то типа журнального столика тоже антикварного вида.

– Здесь тебе будет удобно еще и знаешь почему? – пригласил меня войти Федор. – Да потому что у тебя свой собственный выход в сад. Днем ты можешь беспрепятственно передвигаться везде. Я уже говорил… Эта дверь, – он указал на дверь, сбоку от кровати, которую я до этого не заметила, – ведет во дворец. Советую тебе… – он замялся, – в общем, чем реже ты будешь ею пользоваться, тем лучше. Располагайся и отдыхай, – подтолкнул он меня в спину. – И ничего не бойся. Если что, я всегда помогу…

С этими словами черт удалился, и я осталась одна. Мне бы подумать, но сил на это уже не осталось. Жутко разболелась голова и клонило в сон. На кровати я обнаружила кружевную ночную сорочку. Сразу же в нее переоделась, сбросив свою всю в каких-то пятнах прямо на пол. Завтра. Все завтра. Завтра я решу, что со всем этим делать.

Глава 3

Просыпалась я с трудом. Мне все снилось, что я уже не сплю, только глаза почему-то остаются закрытыми. И вот я иду куда-то наощупь… силюсь приподнять веки, но они снова падают. И мне хочется прилечь больше всего на свете, но нужно идти… Куда вот только я иду?

В первый момент, распахнув глаза, я силилась вспомнить… что-то вспомнить. Непонимание длилось несколько секунд, в течение которых я разглядывала розовый балдахин, наслаждаясь приятным пробуждением. Но услужливая память хорошо справлялась со своей задачей – тут же достала нужные воспоминания и преподнесла их мне на блюдечке.

Я резко села и превратилась в сгусток мыслей, что текли по спирали вокруг меня, затягиваясь во все более тугой клубок. Я в царстве Люцифера! Или и в мыслях его нельзя так называть? А ну как услышит… Лучше не буду. Как его там зовут? Кажется, Астрий?.. Значит, я в его владениях. Меня выиграл у родного папочки в карты какой-то всемогущий придурок по имени Асмодей. Что со мной будет дальше даже примерно не представляю. Но нужно что-то делать, как-то действовать.

Я прислушалась. Вокруг царила мертвая тишина. Гуляние, видно, закончилось и все дрыхнут, как сурки в своих норах.

Размышляя так, я и не догадывалась, что уже через несколько минут испытаю новое потрясение. Стоило мне только откинуть пушистое одеяло и свесить ноги с кровати, как с той стороны, где была дверь, ведущая во дворец, послышался гулкий шум и недовольное бормотание нескольких голосов. В следующую секунду дверь распахнулась, впуская приземистых уродливых созданий, несущих тяжеленую лохань, из которой валил пар.

Что это были за существа! Сроду таких не видела, даже на картинках. На их голых телах не было ни единого волоска, а мышцы вырисовывались так рельефно, словно каждая из них существовала сама по себе. Да они были сотканы из этих мышц! Из бугристого, обтянутого кожей, черепа торчали мясистые уши, которыми они прядали, что та лошадь. Стоило мне только взглянуть на лицо одного из них, как я зажала рот рукой, чтобы сдержать рвущийся крик. Огромные круглые глаза, наполовину спрятанные под мощными надбровными дугами, смотрели свирепо. Ноздри широкого носа были вывернуты наружу. Вместо губ тонкая горизонтальная полоска, из которой торчали два длинных клыка. И множество складок… по всему лицу. Передвигались существа на толстых перепончатых лапах. Почему-то их ноги мне напомнили драконьи. Парой точно таких же, но передних лап они удерживали лохань и не переставали угрюмо переругиваться. А когда я заметила за спиной одного из них аккуратно сложенные крылья и толстый, опять же напоминающий драконий, хвост, то и вовсе чуть не лишилась сознания.

И опять на выручку мне подоспел Федор. Он вошел через другую дверь, через которую привел меня сюда вчера. Сразу же оценил мой вид и ситуацию в целом и поспешно заговорил:

– Без паники, Алина-малина. Это всего лишь горгульи, коих здесь видимо-невидимо. Привыкай… Они будут помогать тебе во всем. На вид свирепые, но в душе они мягкие и… влюбчивые.

И надо было мне именно в этот момент заметить у одного из гротескных существ огромный пенис, что практически касался пола. Федор, проследив за моим взглядом, заговорил еще поспешнее:

– Я не то хотел сказать, красавица. Тебя они не тронут, хоть и будут любить в душе. Совокупляются они только с себе подобными. Все остальное им запрещено строго настрого.

И на том спасибо. Его слова меня здорово успокоили, хоть я все еще и не могла смотреть на этих уродцев, что уже вовсю хлопотали в моей комнате.

– Как тебе спалось на новом месте? – заговорил Федор на отвлеченную тему. – Что снилось?

Наверное, что-то снилось, только вот я в упор не помню. Кажется, только закрыла глаза, как уже проснулась.

– Ну и ладно, жених, значит, не приснился, – хохотнул черт, но тут же прикусил язык, встретившись с моим хмурым взглядом. – Так! – нарочито бодро потер он руки. – Сейчас ты позавтракаешь, а потом я тебе покажу наш сад. Идет? Только сначала прими ванну, – кивнул он на лохань, источающую приятный аромат, и возле которой выстроились в ряд коренастые уродцы. К слову, все они были мужского пола, как успела заметить.

Пообещав зайти позже, Федор деликатно удалился, оставив меня в экзотической компании.

Я плотно сжала челюсти, стараясь не кричать, когда горгульи стали приближаться ко мне, обступая со всех сторон. Они без разговоров протягивали

свои перепончатые лапы, пытаясь сорвать с меня сорочку. В какой-то момент я устала от них отбиваться и отскакивать, не выдержала и крикнула:

– Оставьте меня в покое!

Они вмиг притихли и исподлобья глядели на меня. Один из них, самый крупный, выступил вперед и хорошо поставленным баритоном произнес:

– Госпожа должна помыться, – и поклонился, низко так, в пол.

Госпожа никому и ничего не должна, – упиралась я про себя, хоть вода и манила как не знаю что. Госпожа! Меня начал разбирать смех. Скажет тоже…

– Но я не могу мыться при вас, – нашлась я с ответом, тоже стараясь выглядеть учтивой.

– Мы должны помогать госпоже во всем, – все тот же горгулья, или как их там, отвечал за всех. – Я – Лемех, – наконец-то представился он, – ваш личный слуга и их начальник. Все мы ваши слуги. Нас не нужно стесняться. Господин нас накажет, если узнает, что мы не помогали госпоже.

Ну что мне с ними делать? Я даже растерялась, сразу же поверив словам Лемеха. Вспомнила рассказ Федора об Асмодее… Такой, и правда, может наказать, мало не покажется. Делать нечего, пришлось мне стягивать сорочку под пристальным наблюдением четырех пар глаз.

Оголилась я очень быстро и сразу же нырнула в ванну. Прозрачная вода хоть и не скрывала моих прелестей, но все же я чувствовала в ней себя намного увереннее.

Откуда-то, как по волшебству, появились мочалки и душистое мыло. Оно пахло, как французские духи. Из чего его тут делают? Горгульи вспенили мыло и принялись тереть меня, невзирая на слабое сопротивление. Они действовали настолько профессионально, что я быстро забыла про стыд и просто наслаждалась обалденным купанием. Двое моих личных слуг сбегали за ведром чистой воды. Когда я была вся покрыта пеной, меня подняли на ноги и окатили водой из ведра. Я отплевывалась, но чувствовала себя почти счастливой, когда

горгульи заворачивали меня в огромное пушистое полотенце и вели к кровати.

То, что дальше последовало, понравилось мне гораздо меньше хоть и было куда как более чувственным. Меня распластали на покрывале, и четыре пары рук принялись умащивать мое распаренное тело чем-то пахнущим цветами. Их руки были везде, даже в самых интимных местах. Они вертели меня, как хотели, не замечая, что я уже красная, как рак, и тщетно пытаюсь от них отбиваться. В какой-то момент взгляд мой упал на гениталии одного из самцов. Вот тут мне стало совсем плохо. Я даже забыла о стыде – переводила взгляд с пениса на пенис. Все они были в боевой готовности. Мое тело их явно возбуждало и нешуточно. Но нужно отдать им должное – не один из них не переступил допустимую грань. Через несколько минут меня уже облачали в пышное платье, туго затягивая шнуровку на спине.

Успокоиться окончательно я смогла только тогда, когда уже была при полном параде, и горгульи торжественно уносили лохань с остывшей водой из моей комнаты. И ничего, что чувствовала я себя новенькой наложницей в гареме какого-нибудь султана. Но оказаться настолько чистой и благоухающей было чертовски приятно!

Вернулся Лемех и церемонно, с кучей поклонов, пригласил меня на завтрак. Шурша накрахмаленными юбками, я проследовала за ним в соседнюю комнату, где уже был сервирован небольшой стол. Блюд на столе я насчитала не меньше десяти. Каково же было мое удивление, когда поняла, что все это предназначено мне одной. Да они тут все чревоугодники, причем в такой стадии, когда это уже считается грехом!

Мои горгульи теперь выстроились возле стола, глядя на него голодными глазами. Прислуживала мне горгулья-девочка, как я мимоходом определила, не заметив у нее огромной мужской принадлежности. Даже стало немного легче и захотелось ей улыбнуться. На свою попытку сделать это я получила такой недоуменный взгляд, что больше решила этого не предпринимать. Уж больно они все суровые.

Мара, как представил мне ее Лемех, подносила мне блюда по одному. Торжественно снимала крышку и настаивала, чтобы я его отведала. Пришлось попробовать мясо, запеченное с овощами, что-то типа наших бобов, приготовленных с добавлением большого количества специй, фаршированную чем-то утку… Примерно на пятом блюде я перестала чувствовать вкус того, что

пробую. Шнуровка трещала на мне и дышать становилось нечем. Пришлось проявить твердость и от последних трех-четырех блюд категорически отказаться. Кроме того, я больше не могла смотреть, как усиленно сглатывают горгульи. Они разве что не пускали слюни, глядя на изобилующий стол. Наверное, тут так заведено, и стоит мне только уйти, как к трапезе приступят они, поглощая все, что не смогла съесть я. Странные обычаи…

В комнату я возвращалась одна, пошатываясь от обжорства. Там меня уже дожидался Федор, вальяжно развалившись в кресле и вытянув вперед мохнатые ноги, увенчанные солидными копытами. Я даже кокетливые подковы, отливающие серебром, успела разглядеть, прежде чем он вскочил и подлетел ко мне.

– Алина-малина… – протянул он, с восхищением разглядывая меня, – да ты настоящая принцесса! Кто бы мог подумать, что замухрышка… Ой, что это я, – спохватился он, щелкнув себя по носу. – Не обращай внимания. Это все мой чертов язык. Ты выглядишь очень соблазнительно.

С этими словами он приблизился ко мне и заглянул в более чем откровенное декольте. Очень некстати я снова бросила взгляд на его готовое к бою оружие. Невольно попятилась от него, чем заслужила недоуменный взгляд, который, впрочем, сразу же сменила лукавая улыбка.

– Ты что это подумала, девушка? – прищурился он. – Что я запал на тебя? – мне даже стало неловко от такого вопроса. – Не-не-не… Я по другой части. Мы, черти, знаешь ли самые ярые расисты. Предпочитаем иметь дело со своими…

– Хочешь сказать, что ты делаешь это с чертом? – не удержалась я от вопроса.

– Обижаешь, – изогнул он красиво очерченные губы, – с чертихой. Я, к твоему сведению, не голубой. И в партнершах у меня недостатка нет. Но говорю все это я тебе, чтобы не волновалась – с моей стороны посягательств не будет.

А с чьей будет? Вопрос готов был сорваться с губ, но ответ на него я услышать боялась. Поэтому предпочла промолчать.

– Пойдем, красавица, покажу тебе королевский сад, – приобнял меня Федор за талию и вывел через ту дверь, через которую привел вчера.

Глазам своим не поверила, оказавшись на улице. Здесь все утопало в зелени! Да еще в какой! Я таких деревьев и кустов сроду не видела. И повсюду царило буйство красок. Кругом были разбиты клумбы с экзотическим цветами. Между ними вели извилистые дорожки. Под кронами деревьев журчали небольшие фонтаны. Все выглядело таким великолепным, но чего-то не хватало. Не было слышно птичьего щебета. И небо!.. Эту серую поволоку, что простиралась у нас над головами даже небом нельзя было назвать. Создавалось впечатление, что кто-то натянул сверху мутную пленку. Сразу же все очарование от красоты сада стиралось, оставляя горький привкус.

– Почему тут нет птиц? – спросила я у Федора.

– Эх, деточка… Божьим тварям тут не место, – ответ его прозвучал настолько грустно, что мне сразу же захотелось плакать.

Божьим тварям… А кто же я тогда, если место тут мне нашлось.

Федор организовал мне настоящую экскурсию, особенно обращая мое внимание на ядовитые растения.

– Вот эти цветы ни за что не нюхай, – показал он на большой оранжевый цветок, чем-то напоминающий подсолнух. – Его пыльца парализует. В овощ превратишься на несколько дней.

Были тут еще угнетающие цветы, лишающие воли. Одна лиана, усыпанная мелкими яркими крупинками, лишала рассудка, причем навсегда. Федор и про вивинтию мне напомнил, показав то место, где я вчера скулила с разбитой коленкой.

Сад был поистине огромных размеров. Весь его мы обойти не смогли. Время близилось к обеду, и я жутко проголодалась, хоть и думала, что после столь плотного завтрака есть не захочу больше никогда.

– Ты потом сама тут все разведаешь, – проговорил Федор, беря меня под руку и разворачивая в обратную сторону. – Сейчас у меня дела, да и тебе нужно передохнуть…

Глава 4

После обеда я снова отправилась в сад. Что меня больше всего удивляло, так это то, что сад по-прежнему пустовал, словно здесь все резко вымерли. Что с утра мы с Федором не встретили ни единой живой души, что вторую половину дня я бродила по саду в полном одиночестве. С одной стороны, меня это вполне устраивало, с другой – выглядело странно, даже подозрительно, словно все они, сама не знаю кто, притаились и только и ждут подходящего момента, чтобы выскочить из засады.

На этот раз я решила исследовать размеры сада и что начинается за ним. Шла все время по прямой, чтобы не заблудиться. Я-то шла, а вот сад не заканчивался. Разве что становился гуще, постепенно превращаясь в экзотический лес. И еще ощутимо темнело по мере моего углубления в этот самый лес.

В какой-то момент я до такой степени накрутила себя всякими чудовищами, притаившимися за деревьями, что испугалась и повернула назад. И надо же было случиться такому, что я растерла в кровь ноги. Они у меня уже давно побаливали в тесных туфлях, а последние несколько сот метров я уже преодолела с трудом, скрипя зубами от боли и сильно припадая на обе ноги.

Домой вернулась практически ползком. Как назло, горгульи куда-то запропастились. Скинув неудобные туфли, я босиком отправилась их искать. Из столовой я прошла точно в такую же столовую, дальше следовала еще одна и еще одна… Открывая дверь за дверью я попадала точь-в-точь такую же, как моя, столовую. Все они пустовали и блестели одинаковыми столами. Сама себе я уже казалась Алисой, той самой, что из зазеркалья. Ситуация уже раздражала до такой степени, что хотелось закричать во все горло, а еще лучше, что-нибудь разбить, разгромить.

На мое счастье, столовые закончились раньше, чем у меня начался нервный срыв. Открыв очередную дверь, я оказалась в огромной зале с колоннами в виде обнаженных женщин и высокими, украшенными помпезной лепниной, потолками. Паркетный пол блестел так, что даже узоры с потолка в нем отражались. Я тут же поняла почему – как мухи по нему ползали горгульи и натирали, натирали… По всей видимости, зал этот имел какое-то особенное значение, раз бедняги так старательно его прибирали.

Весь периметр зала был уставлен обитыми бархатом диванами, а центральную, судя по золоченой драпировке, стену украшал массивный трон с множеством золотых набалдашников. Интересно, кто и когда на нем восседает?

А еще тут было много чертей. Именно этот факт в первый момент заставил меня замереть в испуге, едва я переступила порог зала.

На первый взгляд все эти рогато-копытные показались мне совершенно одинаковыми. Но, приглядевшись, я поняла, что половина из них одеты в женскую одежду и двигаются они намного плавнее, сильно виляя бедрами. Вот, значит, как выглядят у них самки? Но все равно, все представители самцов казались мне братьями-близнецами. Интересно, есть ли среди них мой верный друг Федор?

Стоило мне только подумать, как он материализовался прямо передо мной.

– Алина-малина, что ты тут делаешь? – впрочем, недовольства или любопытства в его голосе не было. Напротив, по тону я поняла, что он рад меня видеть.

– Ищу медпункт, – пожаловалась я, показывая ему стертые ступни.

– Вот же угораздило тебя! – посетовал он и подхватил меня под руку. В этот момент я поймала на себе недовольный взгляд пары черных глаз-бусинок.

– Твоя подружка? – спросила я Федора, украдкой кивая на чертиху.

– Одна из… – лаконично не закончил он.

Мы проходили через какие-то комнаты и залы поменьше того, в котором я оказалась первом. Везде суетились горгульи и черти. У меня уже складывалось впечатление, что только они и населяют это место, громко называемое дворцом. Правда, пару раз нам навстречу попались люди, я в этом была уверена. И мужчины, и женщины. Все они куда-то торопились, не обращая на нас внимания. А в одной из комнат мы наткнулись на целую толпу старух, одетых в лохмотья и сидящих несколькими кругами на полу.

– Это кто? – не выдержала и спросила я, до такой степени страшно выглядели все эти женщины.

– А это ведьмы… – равнодушно махнул рукой Федор. – Собрались на совещание перед ночным шабашем.

Ведьмы? Шабаш? В этот момент мне стало так дурно, что я невольно остановилась, ухватившись за Федора.

– Ты чего? Потерпи, скоро уже придем, – неверно истолковал он мою бледность.

Одна из ведьм на меня так зыркнула, что в голове пронеслась мысль: «Ну все! Прокляла!» Хотя, прокляли меня еще раньше, тут же «успокоило» подсознание. А иначе разве попала бы я сюда?

Наконец, мы добрались до медпункта, не встретив больше никого экзотического. Но самое большое потрясение за сегодня ожидало меня именно в стерильной комнате.

Едва Федор распахнул передо мной дверь, как из горла моего вылетел вопль ужаса, и я попятилась, задрожав всем телом. В комнате находились два чудовища, в прямом смысле слова. Совершенно голые, с огромными куриными лапами вместо ног, с узловатыми пальцами на руках, увенчанными длинными когтями, с крыльями, как у огромных летучих мышей, растущими прямо из ключиц, на меня смотрели два существа, в которых только по цвету волос можно было узнать вчерашних Лили и Джуди. Глаза на их уродливых лицах полыхали злобой, а рты ощерились, открывая мелкие острые зубы с двумя парами клыков, как у вампиров.

Одна из гарпий, та что была Лили, с громким шипением метнулась в нашу сторону, отталкивая Федора. Она вцепилась в мою ледяную руку и приблизила ко мне свое мерзкое лицо.

– Что, не нравлюсь я тебе такой? – прошипела она, обдавая меня запахом свежей крови, вызывающим мгновенную дурноту. – Мне тоже больше по вкусу человеческий облик. Но… – тут она шумно втянула своим приплюснутым носом воздух и выдохнула: – М-м-м… какой чудный аромат. Хочу попробовать тебя на вкус…

Все это время я стояла ни жива, ни мертва, удивляясь, что вообще еще до сих пор в сознании.

– Эй-эй… – оттолкнул от меня Лили Федор и загородил собой. – Тут тебе ничего не перепадет. Забыла, чья она?

Гарпию я не видела, но слышала злобное шипение и тяжелое сопение.

– Зачем привел ее?

По всей видимости, это заговорила Джуди. Судя по голосу, из них двоих она обладала большей выдержкой, но точно не была более дружелюбной. Разве что не шипела.

– Ноги она изранила, – с вызовом ответил Федор и отошел в сторону.

– Раззява! – выплюнула Лили и указала на кресло: – Садись.

Стоило мне только приблизиться, как она сама толкнула меня в кресло, пройдясь по оголенным плечам своими когтями и оставляя белые борозды. А потом, не церемонясь, подкинула вверх подол моего платья. А под ним-то у меня ничего и не было. Как я не просила своих горгулий, белья они мне так и не принесли. Лемех ответил лишь, что не положено. Но особо переживать я тогда не стала, поскольку в таком платье чувствовала себя защищенной. Зато сейчас, увидев свое срамное место, я покраснела, как рак, и потянула вниз платье, чем вызвала противный смешок у Джуди.

Не прошло и пяти минут, как мои раны на ногах затянулись, так же как и на колене вчера. Работу свою Лили знала отлично, но это не делало ее симпатичнее в моих глазах. Все же я смогла выдавить из себя «спасибо», поднимаясь с кресла. В следующий момент распахнулась дверь, и вбежал запыхавшийся черт. Тут я невольно подметила, что на Федора он вовсе не похож. Этот был какой-то приземистый, коренастый… В общем, мой Федор на его фоне выглядел красавцем.

– Джуди, срочно лети на нулевой уровень! Бафомет разбушевался!..

– Дьявол! – отозвалась Джуди, группируясь всем телом и высвобождая крылья. – Только этого нам и не хватало…

В следующий миг она взлетела и помчалась вон из комнаты. Да так стремительно, что меня чуть не отбросило порывом ветра.

Когда к моему плечу прикоснулась рука Федора, и я услышала его голос: «Пойдем. Отведу тебя назад», я уже практически ничего не соображала. Лишь титаническим усилием воли подтянула нижнюю челюсть, закрывая рот.

Как мы добрались до моей комнаты, я даже не заметила. Очнулась, когда Федор собрался уходить, пожелав мне спокойной ночи.

– Стой! – вцепилась я в его руку. – Подожди… Кто такой Бафомет и почему он разбушевался?

Федор вздохнул и не хотя уселся в кресло.

– Бафомет – это просто демон, – растягивая слова, заговорил он. Становилось понятно, что ничего объяснять ему не хочется. Но и я решила стоять на своем, пока хоть что-то не узнаю. – Он, ну… В общем, неуравновешенный он по натуре. Как взбредет ему что-то в голову, начинает скакать, как козел. В прочем, он и есть полукозел, – хохотнул Федор. – Но на его сатанинских играх, которые он устраивает раз в полгода, бывает даже очень весело. Я тебя свожу как-нибудь. Хотя… – он с сомнением разглядывал меня какое-то время. – Может и не стоит. Ну, в общем, там решим, – он встал с кресла, собираясь уйти, но я снова его задержала:

– А что такое нулевой уровень?

– А вот этого тебе знать не обязательно, – строго, я бы даже сказала нравоучительно произнес Федор. – Забудь. Просто, забудь. Ты меня поняла?

Он явно дожидался моего ответа, уже забыв, что собирался уходить. И настырно так заглядывал в глаза, как я их ни отводила. Пришлось пообещать ему, что забуду. На всякий случай скрестила за спиной пальцы, потому что забывать я не собиралась. Напротив, решила все выяснить и не позднее завтрашнего дня. Но

Федору об этом знать было необязательно.

Засыпала я в растрепанных чувствах. Да еще и объелась на ночь, как тузик на помойке. Если мои сердобольные горгульи и дальше тут так меня будут пичкать, разве что в рот не заталкивать, то через пару дней мою стройную фигуру разнесет, как на дрожжах. А с другой стороны, может это и к лучшему – не понравлюсь Асмодею, или как его там?.. Если, конечно, вообще увижу его когда-нибудь, козла этого.

Тут я, опять же некстати, задумалась о дальнейших перспективах, что могут ожидать меня здесь. И настроение совершенно испортилось, а сон испарился напрочь. Сколько я тут пробуду? Месяц, два? Федор на этот вопрос старательно не отвечал. Он вообще намного хитрее и умнее, чем кажется. Только прикидывается эдаким чертиком-простачком. Может, полгода, год?.. Или мне суждено застрять тут на всю оставшуюся жизнь?

Как там мама, папа? Особенно мама?.. Как она там без меня? Кто поддержит ее, успокоит? Она же у меня такая беспомощная, ранимая. Да и папа – добряк по жизни. Бедные мои родители! Эти мысли окончательно лишили меня самообладания, и я разрыдалась, уткнувшись лицом в подушку. Так, вся в слезах, я и уснула.

Проснулась от нестерпимой жары. Сразу же поняла, что происходит. Меня буквально облепляли горячие тела. Когтистые пальцы гладили тело. Они его гладили все, о ужас! Какая там сорочка – ее уже и в помине на мне не было. Ноги мои раздвинули, и кто-то карабкался между ними, приближаясь к моему лобку, который уже тоже вовсю гладили.

Вот тут я заорала, как резанная. Горгулий моментально отбросило с кровати, словно ударом электрического тока. Лишь Лемех остался сидеть рядом со мной орущей, гордо выпрямив спину и согнув ноги по-турецки.

– Брысь, брысь, брысь… – как заведенная повторяла я, стряхивая с себя невидимую грязь и пытаясь облачиться в сорочку. Я умудрилась до такой степени запутаться в куске ткани, что беспомощно повалилась на кровать, не переставая бормотать: – Брысь, брысь…

– У нее шок, – донесся до меня спокойный голос Лемеха и распоряжение: – Воды! Быстро!

Все это время я билась в истерике и в сорочке.

– Держите ее!

Несколько пар рук, подняли меня с кровати и заставили сидеть спокойно. Ну, спокойно – это громко сказано. Меня колотила крупная дрожь и сотрясала безостановочная икота.

По приказу того же Лемеха, отданного самым что ни на есть будничным тоном, на меня натянули сорочку и к губам прижали стакан. Только когда я выглотала всю жидкость до дна, разум мой слегка прояснился, и икота перестала мучить тело.

– Что это было? – нашла я в себе силы спросить у Лемеха, который все в такой же безмятежной позе проминал мою кровать. К слову сказать, он даже развлекался в данный момент – теребил свою огромную гениталию.

– Мы хотели тебя приласкать.

– Но Федор обещал, что вы меня не тронете!

– Мы только хотели приласкать, доставить тебе удовольствие, – заглянул горгулья мне в глаза, как самый преданный в мире щенок. – Это наш долг, работа…

Я потеряла дар речи. А что тут у них понимается под словом «тронуть»? Напасть и изнасиловать? Грубо и извращенно?! В растерянности я оглянулась на других моих горгулий, чьих даже имен не запомнила, да и не хотела. Они выстроились в рядок и так же преданно, как их начальник, смотрели на меня. Похоже, они, действительно, не считают ночные события чем-то из ряда вон выходящим.

– Обещай, что больше этого не повториться, – снова обратилась я к Лемеху.

– Но хозяин нас накажет, если узнает, что ты оставалась одна по ночам. Он…

– Обещай! – заорала я, что та иерихонская труба.

Лемех аж подпрыгнул от неожиданности. Наконец-то ему изменила чертова выдержка!

– Как скажешь, – замахал он руками, отодвигаясь от меня.

– Никогда, – вкрадчиво говорила я, придвигаясь к нему ближе. – Никогда, слышишь, вы больше не заберетесь в мою постель. Понял? – сделала я резкий выпад в его сторону, и он с грохотом повалился на пол. – Брысь отсюда все! – отвернулась я от горгулий, забралась под одеяло и накрылась с головой. – Брысь!

Глава 5

Утро началось с традиционного омовения и плотного завтрака. Странные они тут все какие-то. Я вот полночи промучилась. Сначала мысли мешали уснуть, а потом от нашествия горгулий отбивалась и снова сон потеряла. Забылась уже под утро с головной болью. И что бы вы думали. С утра пораньше с меня стащили одеяло. Я даже глаза толком открыть не успела, как несколько когтистых лап принялись снимать с меня сорочку, а потом подхватили и бесцеремонно погрузили в воду. Конечно, я покривлю душой, если не скажу, что ароматная горячая ванна – наиприятнейший способ пробуждения. Но бесцеремонность меня просто выбесила.

Платье в этот раз мне приготовили еще более шикарное. Облачаясь в него, я чувствовала себя королевой, ну или главной фрейлиной оной. Правда, белья мне опять не предложили. И этот вопрос я поставила ребром, потребовав его у Лемеха.

– Не положено, – получила лаконичный ответ.

– Не положено кем и почему? – пристала я к нему, решив что не сдвинусь с места, пока он мне не разъяснят всю дикость этого утверждения.

– Женщины Асмодея белья не носят.

Вот как? И сколько же у него женщин? А еще интереснее, что он со всеми ними делает? Себя я к его женщинам точно не относила и решила, если что, сражаться не на жизнь, а на смерть. В конце концов, я не просила, чтобы меня проигрывали какому-то уроду, да и папа, думаю, уже все локти себе искусал.

– Личную жизнь демонов обсуждать запрещено, – выпрямил Лемех спину и посмотрел на меня как-то уж больно угрюмо и серьезно, так что мне даже стыдно стало, неизвестно почему. – За это нас могут покарать смертью. Поэтому, прошу не задавать больше моим людям таких вопросов.

Час от часу не легче. У них тут, оказывается, еще и казнями промышляют. Я посмотрела на своих суетящихся горгулий и внезапно испытала приступ жалости. Даже слезы на глаза навернулись. Неужели я успела к ним прикипеть душой? Только этого мне и не хватало. Но вопросов больше задавать не стала. Без белья, так без белья. Благо, юбок на мне хоть отбавляй.

Что меня больше всего удивляло, так это то, что несмотря на строгую заведенность и правила, не считая утренних процедур, часов обеда и ужина, все остальное время я была предоставлена самой себе. Ни горгулий, ни кото-то еще совершенно не интересовало, чем я занята. Вот и сегодня, после вынужденного как всегда плотного завтрака, я отправилась воплощать свой план – искать нулевой уровень. Даже не знаю, что именно меня так зацепило. Наверное, таинственность, связанная с ним. Интересно, что же это за уровень такой, про который мне даже думать запрещалось? Теперь главное, не наткнуться на Федора. Но что-то мне подсказывало, что мой друг черт был занят с утра.

Я шла по уже знакомой анфиладе комнат, повсюду натыкаясь на горгулий, чертей… Как и в прошлый раз, навстречу мне попадались и люди. Все они куда-то спешили. Даже закралась мысль, что от безделья тут страдаю я одна, все остальные заняты какими-то очень важными делами.

Одна из девушек мне показалась менее озабоченной и более симпатичной, чем все остальные. К ней я решила подойти с вопросом:

– Не подскажете, как пройти на нулевой уровень?

Что стало с ее лицом! В тот же миг оно из красивого превратилось в жуткую маску из эмоций. Чего там только не было – и гнев, и растерянность, и крайний испуг, граничащий с ужасом, и еще много чего-то, что я даже отказывалась определять. Она замерла на месте, словно на нее наложили заклятие остолбенения. Лишь таращилась на меня и вращала ставшими неестественно большими глазами.

– Девушка, с вами все в порядке? – решилась уточнить я и коснулась ее руки.

В следующий миг ее словно ветром сдуло. Только что была рядом, а потом ее просто не стало. Мое любопытство разыгрывалось все сильнее. Я по-прежнему не испытывала страха, наверное, потому что не верила во всю эту чертовщину. И реакция девушки показалась бы мне смешной, если бы не вызвала раздражения. Ладно, не хотите облегчить мне задачу, я решу ее сама. Но к людям я больше обращаться не рисковала, двигалась дальше, разумно рассудив, что рано или поздно выйду куда-нибудь, что подскажет мне, в каком направлении идти дальше.

Липкий холодок страха прокатился по спине, когда я вновь оказалась в комнате с ведьмами. Те, как и в первый раз, сидели несколькими кругами и что-то бормотали. И как тогда, одна из ведьм припечатала меня взглядом. Только на этот раз со мной не было Федора, и я поняла, что не могу двигаться, загипнотизированная ее желтыми глазами. А потом она и вовсе подняла костлявый палец с длинным загибающимся ногтем и поманила меня к себе.

Ноги сами понесли меня к сборищу этих старух, одетых в лохмотья. Как я ни старалась, остановиться смогла лишь в центре их самого малого круга, в аккурат посередине.

– Кто ты? – прокаркала старуха, что заманила меня. Глаза ее по-прежнему не разрешали мне отвести взгляда.

– Алина, – как робот ответила я.

– Алина… – послышалось со всех сторон. Они произносили мое имя и противно так хихикали. А я уже к тому моменту задыхалась от вони, что тут царила. Не моются они что ли совсем?

– А что ты тут делаешь?

– Ищу нулевой уровень, – оставалась я предельно честной.

Реакция ведьм меня удивила даже больше, чем испуг той девушки. Если бы они не смотрелись до такой степени гротескно и противно, я бы сказала, что они все, как одна, покатились со смеху. Но в тот момент мне показалось, что вокруг тормозят сразу с десяток поездов. Я почти оглохла от скрежета и скрипа, что издавали их беззубые глотки. И сильнее всех скрипела та ведьма, что заманила меня.

– А ты смелая, Алина, – наконец, отсмеялась она и снова припечатала меня взглядом. – А еще ты дура набитая. Именно такая нам и нужна. А теперь, пойдем-ка, прогуляемся… Дамы, нам пора, – обратилась она к своре лохматых подруг.

И я пошла с ними. Шла, как положено быстро, даже бодро. Временами обгоняла старух, тогда меня ведьма-гипнотизер притормаживала, хватая за рукав и с силой дергая назад. Пару раз я упала от такого торможения, но неизменно вставала и топала вперед.

Мы уже удалились на приличное расстояние от дома, размеры которого я даже примерно не могла определить. Даже с такого расстояния он казался огромным, правда низкорослым. Как большая лепешка, населенная всякими существами. Я захихикала от такого сравнения.

– Говорю же, дура, – пробормотала старуха, что выполняла роль стражницы при мне, та что затеяла все это.

– Так отпустите меня, – бросила я ей, очень надеясь, что та снимет невидимые путы с моих ног, что заставляли двигаться вперед. – Зачем я вам такая?

– Так известно, зачем. Пустим тебя в расход – принесем в жертву.

Вот тут даже гипноз не помог – мои ноги подкосились, и я повалилась мешком в траву, такую жесткую и острую, что больше напоминала торчащую вверх солому, правда зеленого цвета.

– Васька, ты зачем ей раньше времени рассказала? – накинулась на ведьму другая, еще более страшная и грязная старуха. – Что теперь прикажешь, на себе ее тащить?

Васька? Уж не производная ли это от Василиса? А разве у таких страшных существ может быть такое прекрасное имя? Так рассеянно думала я, валяясь на земле и безучастно за всеми наблюдая. Двигаться я не могла, спасибо страху – полностью парализовал меня.

– Уймись, Карла, – пробормотала горе гипнотизерша, виновато поглядывая на сестер по несчастью. – Сейчас я ее на крыльях отправлю.

– Не забудь отрегулировать скорость, – вторила ей все та же, исполняющая роль прокурора. – А то улетит, ищи ее потом…

Надо мной простерлись костлявые руки и старческий голос что-то монотонно забормотал. С удивлением осознала, что неведомая сила оторвала меня от земли и понесла по воздуху. Ну вот, теперь я знаю, что испытывают те, кто умеет летать.

Впрочем, парила я совсем недолго, и посадку мне могли бы устроить помягче, а не шлепать с размаху о камень. Зато от удара ко мне вернулись ясность мысли и возможность двигаться. Недолго думая, я соскочила с камня и рванула, куда глаза глядят. Пробежала не больше метра, как меня снова приложило к камню, на этот раз боком, да так больно, что в глазах потемнело. И завалилась я снова на злополучный камень.

Не знаю, как надолго меня вырубило, только очнулась я от протяжного подвывания и грохота, будто кто-то у меня над ухом бил в барабан. Попробовала пошевелить ногами или руками и поняла, что крепко к чему-то привязана. А вой все усиливался, как и барабанная дробь.

– У-у-у… наставник всемогущий, – отчетливо донеслось до меня. – Возьми нашу жертву, дай нам силы и способностей для задуманного. Ты всемогущ, а мы твои верные слуги, что восхваляют и будут восхвалять тебя вечно. Кровь жертвы омоет камень, впитается в землю и доберется до тебя. А мы будем ждать твоей милости молча и послушно.

Чья кровь и какой камень? Уж не про меня ли идет речь и не про то ли на чем я лежу? Судя по тому, как я замерзла, подо мной точно камень. Не успела я как следует даже подумать об этом, как увидела над собой занесенную руку с огромным ножом. Вот тогда я заорала, что было мочи. От собственного вопля у меня заложило уши, и я не сразу различила еще чей-то крик.

– Ах вы старые кошелки! Чего еще надумали? Хотите, чтобы Асмодей вам бошки отвинтил, да забор у себя в саду ими украсил? Вы зачем его наложницу уволокли?..

Федор еще что-то кричал, а я могла лишь счастливо улыбаться. Какой же он замечательный! Самый лучший черт в мире!

– Чего разоряешься тут почем зря? – вновь прислушалась я. – Асмодей даже не заметит ее отсутствия. У него таких, как она, полцарства. У самого хозяина столько нет. Так что, проваливай давай отсюда и не мешай нам колдовать и приносить жертву.

Этого я уже стерпеть не могла, тем более что и Федор сохранял молчание. Мозг мой решил, что он согласился с ведьмами и убрался восвояси. Тогда и я больше решила не участвовать в этом фарсе и потеряла сознание.

Очнулась я от мерного покачивания. Сначала мне показалось, что я на прогулочном лайнере, с родителями в Сочи. И вот-вот у меня начнется морская болезнь. И лишь почувствовав под щекой жесткую шерсть и услышав непритязательную песенку, напеваемую голосом Федора, вспомнила все и поняла, что спасена.

– О-о-о, Алина-малина! Наконец-то ты пришла в себя, – сгреб меня в охапку Федор, чем чуть не раздавил.

Я огляделась. Мы с ним, вернее, он со мной на руках, сидел в какой-то части сада, куда, по-видимому, я еще не забредала. Тут не наблюдалось разнообразие. Все заросло карликовыми деревьями, усыпанными бутонами, формой и цветом напоминающими мак. Только размером превосходящие последний в несколько десятков раз. Но тут было так чудесно, что я моментально прониклась настроением этого места и решила, что на досуге попрошу Федора показать мне сюда дорогу.

– Федор, – подняла я к моему спасителю счастливое лицо, – как же я люблю тебя! – и прижалась к его груди.

– Я тоже тебя люблю, Алина-малина, – как-то слишком серьезно ответил он и погладил меня по голове.

Какое-то время мы просто сидели молча. Я слушала биение сердца в мохнатой груди, А Федор… он, наверное, о чем-то думал, периодически поглаживая меня по голове, словно малого ребенка.

Так хорошо было, спокойно в этой части сада. Даже дома, в привычной жизни, не помню когда еще испытывала настолько полную безмятежность. Диковинные цветы источали тонкий аромат. Мне он нравился, дурманил совсем чуть-чуть, внося трепетную струю в мое настроение. Отчего-то сжималось сердце, словно только что я стала свидетелем невиданного чуда. Не хотелось куда-то идти или что-то делать. Вот так сидела бы вечность, и плевать, что жизнь проходит…

– Послушай, Алина-малина…

Голос Федора нарушил тишину, выдергивая меня из нирваны. Так неожиданно он заговорил, что я даже вздрогнула. Отчего-то сразу же в душе промелькнуло беспокойство. Я подняла голову и встретилась с его серьезным взглядом. Сейчас в глуби его глаз не плясали маленькие чертики, как обычно. Напротив, я видела в них затаенную грусть.

– Я понимаю, что ты попала в тяжелую ситуацию. Все для тебя здесь чужое, непривычное…

Он говорил медленно, растягивая слова и разглядывая мое лицо, которое я и не думала отводить, напряженно ловя каждое его слово. Беспокойство в душе росло, и настроение мое стремительно портилось.

– Но ты должна смириться. Послушай, – прижал он палец к моим губам, не давая заговорить. Из меня же рвался протест – почему я должна с чем-то мириться?! – Подожди, не перебивай, пожалуйста. Я лишь хочу уберечь тебя от опасности и попытаться хоть чуть-чуть скрасить твою жизнь здесь.

Он снова замолчал и отвел взгляд от моего лица. Какое-то время смотрел в даль, о чем-то сосредоточенно думая.

– Ты должна пообещать мне, что ничего больше не предпримешь одна. Я не призываю тебя сиднем сидеть в комнате, понимаю, что это не в твоем характере. Да и так можно точно сойти с ума. Я прошу тебя не искать приключений вот на это место…

В следующий момент я взвизгнула, получив увесистый шлепок мохнатой рукой по попе. Пока я копила возмущение, собираясь дать достойный ответ, Федор продолжил:

– Давай договоримся, если ты захочешь куда-то пойти, что-то проверить или кого-то найти, сначала посоветуешься со мной. Лады? А уж потом будешь решать, проявлять тебе самостоятельность или нет, после того, как я тебя предупрежу об опасности.

Он смотрел на меня и явно ждал ответа. У меня же слова застряли в горле, губы упрямо сжались, а глаза прищурились и пытались прожечь его насквозь. Вот как? Значит, все-таки я здесь пленница? Ну тогда не дождешься ты от меня больше ни слова, раз переметнулся на сторону стражников.

Я демонстративно отвернулась и попыталась избавиться от его рук и его самого.

– Да постой ты! – крепче прижал он трепыхающуюся меня к себе. – Алина, посмотри на меня.

Даже не собираюсь. Я вывернула голову так, что едва не вывихнула шею. Даже больно стало, так ее прострелило.

– Дурочка ты, маленькая, – ласково так, с улыбкой на губах проговорил Федор, поворачивая к себе мое лицо и поглаживая по щеке. – Я же твой друг и желаю тебе добра. У тебя целый сад в распоряжении. Гуляй, сколько угодно. Только вовремя возвращайся в свои покои и старайся не попадаться никому на глаза. Ведь в следующий раз меня может не оказаться рядом, – совсем тихо добавил он.

Я чувствовала, как глаза мои наполняются слезами. И всему виной была жалость, что читала сейчас в глазах Федора. Ну зачем ты меня жалеешь так, словно я самая пропащая на земле? Я же просто хочу нормально жить, пытаться извлекать прелести хоть из такого существования. А получается, что даже этого я не могу себе позволить.

– Не плач, Алина-малина, маленькая глупенькая девочка, – вытер он мои слезы и крепко прижал к себе. – Я очень постараюсь, чтобы тебе было здесь хорошо. Не обещаю, что смогу защитить тебя от всех опасностей, – тут голос его заметно дрогнул, – но очень постараюсь.

И снова мне не захотелось ему отвечать. Да и что я могла сказать? Что верю ему? Я верила, всей душой, понимала, что он единственный мой друг. Что последую его предостережениям и стану послушной затворницей? Наверное, нет… Ну, не могу я ему этого обещать. Не так уж и сильно я ценила такую жизнь, чтобы за нее бояться. Вместо этого я спросила, просто чтобы перевести разговор на другую тему:

– А что это за место? Наверное, оно очень далеко от дома. Я сюда не доходила…

– Дальше, чем ты думаешь, – усмехнулся Федор. – Оно вот здесь, – и постучал пальцем по своему лбу.

– В смысле?..

– В самом прямом. Это мое личное воображаемое место, куда постороннему вход воспрещен. Когда я хочу остаться один, всегда ухожу сюда.

– А… а как ты уходишь, стесняюсь спросить?

Я чувствовала себя все тупее. Вот уж не ожидала, что виртуальная реальность, если я правильно поняла, может выглядеть такой настоящей.

– Закрываю глаза и представляю его.

– А как я сюда попала?

– А вот этого я и сам не понял. Такого не должно было случиться. Но ничего лучше я не придумал, чтобы спасти тебя от этих злодеек. Ведь если к ним кто попадает в лапы, то живым уже не выбирается. Это их жертвоприношение уже у всех, как кость в горле. А когда я схватил тебя, то, наверное, сильнее обычного захотел оказаться здесь. Вот и получилось…

Я снова замолчала, пытаясь переварить услышанное. И такое тут случается?

– А давай как-нибудь еще попробуем сюда переместиться вместе? – через какое-то время предложила я. – Мне тут очень понравилось.

– Обязательно! – широко улыбнулся Федор. – И спасибо тебе!

Глава 6

И потянулась череда похожих друг на друга дней. Не то чтобы я решила послушаться Федора, но от пережитого стресса навалилась апатия и высовываться какое-то время мне не хотелось. Нет, конечно же я не сидела дома, большую часть времени проводила в саду. Я все лелеяла мысль, что если буду идти долго-долго, на сколько хватает сил, то наконец-то дойду до конца сада. И каждый день я забредала все дальше, но впереди маячило все то же многообразие экзотических деревьев и кустарников. По всей видимости, кроме этого дома-лепешки и сада тут вообще больше ничего не было. И еще всегда одинаковое небо над головой – низкое пузыреобразное мутно-серого цвета. Оно, конечно, больше всего отравляло настроение, и на него я старалась не смотреть вообще.

Лемех, видя мое унылое настроение, как мог, пытался разнообразить мои будни. От него я много узнала про горгулий. Оказывается, эти неказистые на вид существа отличались особой гордостью. Их ни в коем случае нельзя было оскорблять. За обиду они платили жестокой местью, потому что страдала их гордость, а ее они ценили превыше всего. Лемех поведал мне историю, как кто-то из его сородичей наказал хозяйку, за то что она унизила его прилюдно, обозвав редким уродцем. Он заманил ее в сад (в какую из его частей, я даже думать не хотела), очаровал песней (забыла сказать, что горгульи, все, как один, обладали исключительными вокальными данными, их песнями можно было

заслушаться) и заставил дотронуться до ядовитой плесени. Как уж он это сделал, я не знаю, да и Лемех об этих подробностях умолчал, только красавица после этого была обречена. На нее напала проказа, справиться с которой не смогли даже гарпии, которым по силам было многое из области целительства. Девушка медленно загнивала, изолированная от всех обитателей этого места. Мало того, ей даже никто не прислуживал, так как болезнь эта считалась заразной. Финал истории мне Лемех не поведал, но, думаю, умерла она скорее от голода, нежели от проказы.

Думаю, Лемех не зря мне все это рассказал. Таким образом он меня предупредил, чтобы вела себя с ними осмотрительно. И я ему за это была благодарна, хоть и не собиралась никого унижать.

А еще, чем ближе я его узнавала, тем больше поражалась широте его души и высокому интеллекту. Он мне часто рассказывал об истории древнего Рима, откуда считал себя выходцем. От него я узнала о жестокости бестиариев, устраивающих кровавые зрелища с животными на потеху зрителям. Сколько боли было в его речах, когда он подробно описывал, как стравливали этих бедняг на арене, как зверски убивали потом. Именно он поведал мне о предназначении горгулий. В их задачу входила защита этого мира от хаоса, строгое дозирование зла, что, как поняла, здесь процветало повсеместно. Вот почему, когда Лемех узнал о проделке ведьм, рассвирепел до такой степени, что я даже спряталась под кровать от страха. Думала, что гнев его направлен на меня, и сейчас от меня останется только мокрое место, ну или бесформенные останки. Но он тогда вылетел из моей спальни со словами, что устроит этим идиоткам Варфоломеевскую ночь. Я, конечно, тоже все еще была зла на свору оборванок, но полного истребления им не желала. Все же они считались полноправными обитателями этого места.

И я почти полюбила своих личных горгулий за ежевечерние концерты. Когда они строем заходили в мой комнату, кто с лютней, кто со свирелью, и затягивали какую-нибудь песню, с раскладкой на несколько голосов, моя душа плавилась в прямом смысле слова. В такие моменты я закрывала глаза и мечтала, что нахожусь далеко-далеко отсюда, в своем привычном мире. Рядом мама и папа, мои друзья… И все опять, как раньше. Неизменно они доводили меня до слез своим пением, но каждый раз я была им благодарна за возможность мечтать. В другое время у меня это не получалось.

В общем, зря я думала раньше, что горгульи исполняют тут исключительно роль прислуги. Сейчас я понимала и ценила их гораздо больше.

А еще я занималась исследованием внутреннего устройства этого странного дома. Каждый день в послеобеденные часы, вместо того чтобы наслаждаться приятной негой, как делали тут многие, я отправлялась на разведку. Так я поняла, что дом разделен на огромные отсеки. Каждый из них принадлежал какому-нибудь важному демону. В этих отсеках жили люди, черти, горгульи, гарпии и другие демонические существа, находящиеся с собственности хозяина. Временами численность его челяди разрасталась до такой степени, что он и сам уже не знал, кто ему принадлежит. Тогда он поручал произвести перепись. Вот именно об этом мне и пришел как-то рассказать Федор.

Я его не видела к тому времени уже несколько дней и ужасно обрадовалась визиту. Правда сразу же скисла, заметив угрюмое выражение на его лице.

– Что еще случилось, о чем мне страшно даже спрашивать?

Догадывалась, что каким-то образом новости касаются именно меня.

– Асмодей решил произвести перепись и поручил это сделать своему секретарю. Списки будут готовы через несколько дней.

Федор не смотрел на меня. А потом и вовсе вышел из комнаты. Правда, через несколько минут вернулся с полным бокалом, в котором плескалась янтарная жидкость. Почему-то мне показалось, что это коньяк.

– Ну и что?..

Подумаешь, перепись. Ну стремится мужик к порядку. Ничто в сообщении Федора меня пока не настораживало.

– Он захочет познакомиться со всеми новичками, – припечатал он меня хмурым взглядом.

– И что?..

Я по-прежнему не понимала, что до такой степени его раздражает.

– Как что?! – взбеленился Федор. – А то, что он увидит тебя!

– И что будет, когда он увидит меня?

Я старалась, чтобы голос мой звучал ровно, хоть и чувствовала, как на голове зашевелились волосы от страшной догадки.

Федор подлетел ко мне, схватил за плечи и тряхнул как следует.

– А ты не догадываешься?! – выкрикнул он мне в лицо, и я тупо зафиксировала, что не ошиблась – пьет он коньяк.

Федор ослабил хватку и прошелся руками от моих плеч до локтей и обратно. А потом обхватил шею, поглаживая скулы большими пальцами, и заставил посмотреть на себя.

– Ты хоть осознаешь, насколько красива? – в голосе его появилась хрипотца, а глаза стали еще чернее, если это только возможно. – Да стоит ему только увидеть тебя, как он захочет обладать тобой.

От напряжения, с каким я всматривалась в его лицо, глаза мои начали слезиться, и горло сдавило железная рука страха.

– Он так ужасен, да? – прошептала я.

Лицо Федора исказила гримаса боли, и он выпустил мое лицо. Снова схватил бокал и осушил его одним махом. И лишь потом заговорил, не глядя на меня:

– Это самый жестокий демон темного царства. А еще самый похотливый. В его собственности находится больше всего женщин. Каждую ночь, когда он не на работе, они греют его постель. А потом долго восстанавливаются после его страсти… Он очень жесток с женщинами, Алина-малина.

Федор опустился в кресло и закрыл лицо руками.

– Я так хотел оградить тебя от него, – глухо произнес он.

– Что же нам делать? – приблизилась я к нему и опустилась на корточки.

– Иди ко мне, – убрал он руки от лица и посадил меня к себе на колени. – Мы что-нибудь придумаем, моя Алина-малина, – положил он мою голову себе на плечо и принялся укачивать, как малое дитя. – Обязательно придумаем…

Я почувствовала, как губы его прижались к моей макушке, но лишь на долю секунды. Его грусть передавалась мне и затапливала с головой. Даже страх отошел на второй план. В его руках было уютно, но в душе поселился дискомфорт и мешал мне со страшной силой. Все и так не очень весело в моей жизни, и я отказываюсь еще и мыслям о предстоящих бедах убивать себя. И потом, я верила Федору, как самой себе. Он обязательно что-нибудь придумает, чтобы не допустить моей встречи с Асмодеем.

Нужно было срочно сменить тему, чтобы развеселить и его, и себя. И я придумала, о чем мы можем поговорить. Тем более что этот вопрос я уже давно хотела ему задать, только подходящей возможности не подворачивалось. Вот уже несколько ночей подряд я слышу музыку, наподобие той, что звучала в день моего прибытия сюда. Волнующая, выворачивающая душу наизнанку. Я просыпаюсь среди ночи и вслушиваюсь в эти чарующие звуки. Они затрагивают самые потаенные струны моей души. Одновременно хочется и рыдать, и смеяться. Никогда раньше во мне музыка не рождала столь сильные эмоции. Об этом я и спросила Федора.

Странная реакция последовала на мой вопрос. Федор встрепенулся и выпрямился в кресле. Я чуть не свалилась с его колен, не поддержи он меня вовремя. Его явно осенила какая-то мысль. И именно она стерла печаль с его лица.

– Музыка, говоришь?..

Он не торопился продолжать, сосредоточенно о чем-то размышляя. При этом он так потешно хмурил лоб и хватался за свои рожки, что я невольно начала посмеиваться. Наградой мне послужил укус в нос, а потом быстрый поцелуй в губы. Я даже растерялась от неожиданности и на время забыла, о чем его спрашивала.

– Вот что, Алина-малина, – улыбнулся он, явно потешаясь над моей растерянностью. – Сегодня ночью я выведу тебя в свет.

Неожиданное заявление. От волнения у меня даже скатилась струйка пота по спине. Я же хотела только про музыку узнать. Вряд ли я готова к светскому приему. Сама себя не узнавала, но в последнее время стала всего страшиться.

– Не бойся, – неправильно истолковал мое замешательство Федор. – Асмодея не будет. Его хозяин отправил в командировку на неделю. Да и тебе нужно развлечься, а то совсем закисла ты тут.

В следующий момент он лизнул меня в щеку, и я таки свалилась с его колен, потому что этого уж точно не ожидала.

Да он напился! – поняла я, когда услышала дикий хохот. Естественно, что может быть смешнее барахтающейся на полу меня? А то что я совершенно запуталась в складках этого дурацкого платья, никого не волнует.

– Может уже поможешь мне встать? – буркнула я, когда от смеха на глазах Федора уже выступили слезы. – Ржешь, как конь, – обиженно отвернулась.

– Не дуйся, Алина-малина, – потянул меня Федор за руку и одернул юбки платья, когда я встала. – Просто, ты так смешно пыталась подняться и так забавно ругалась.

– Да? А кто виноват, что я упала? Чего это ты меня лижешь, как мороженое?!

Возмущению моему не было предела. А то, что он все еще продолжал посмеиваться, так и вовсе бесило.

– Вот так? – снова лизнул меня Федор.

– Да, что?!. Уйди отсюда! – оттолкнула я его от себя и вытерла мокрую щеку. – Лижи своих чертих.

– Они не такие сладкие, – усмехнулся он, но, спасибо, лизнуть больше не пробовал и держался на безопасном расстоянии. – Ладно, Алина-малина. Я тебя оставляю до вечера. Ровно в полночь приду и поведу тебя на бал. Велю Лемеху, чтобы подготовил тебя как положено.

До самого вечера я бродила в саду и устала до такой степени, что в комнату скорее ввалилась, чем вошла. А там меня уже поджидал грозный Лемех. Он стоял посреди комнаты, уперев руки в бока, растопырив свои драконьи лапы и глядя на меня исподлобья. Если бы я уже не привыкла к тому, как он выглядит, то непременно бухнулась бы в обморок, таким страшным существом он казался.

– Где тебя носит? – набросился он на меня. – Мы десять раз грели воду. Ты хоть за временем следишь? Скоро полночь, а ты еще не готова…

– Ладно тебе, – повалилась я на кровать. – Сейчас полежу немного и начну одеваться…

– Начнешь одеваться? – лицо Лемеха вытянулось от изумления. – Начнешь одеваться?! – громче повторил он. – Да кто же в таком виде появляется на балу?! Эх, да что с тобой говорить, – махнул он рукой и вышел.

Вот и славно. У меня уже глаза слипались. Ни на какой бал я не хотела идти. Свернувшись калачиком прямо поверх одеяла, я собралась крепко уснуть. Но не тут-то было. Несколько пар рук меня схватили, усадили и принялись стягивать платье. Как я не сопротивлялась, через пару минут оказалась совершенно голая перед командой моих сердобольных горгулий. Как всегда, моя нагота произвела на них неизгладимый эффект – их крупнокалиберные стволы поднялись, как по команде. Но это зрелище меня сопровождало дважды в день, и я уже успела к нему привыкнуть. Иногда только думала, как они-то справляются со своим возбуждением, не мешает они им работать? Впрочем, на трудоспособности возбуждение никак не отражалось.

Вот и сейчас они меня подхватили и понесли в ванну. В который раз испытала ни с чем несравнимое блаженство, погружаясь в горячую, пахнущую смесью масел, воду. Даже с головой под нее ушла для полноты ощущений.

Мыли меня горгульи на этот раз с особой тщательностью. Даже все мои потаенные места соскоблили до скрипа, несмотря на яростные сопротивления с

моей стороны. Плевать они на них хотели. Их много, значит, на их стороне сила. В конце концов, я вынуждена была уступить, чтобы не делать прежде всего хуже себе.

После ванны меня ждала процедура по удалению волос со всего тела и умащивание кожи ароматными маслами. К чему такая тщательность? Не голая же я буду на балу? А какие торжественные у них лица, словно готовят меня к первой брачной ночи. Эта мысль напугала до такой степени, что я ее сразу же отбросила, как самую бредовую и бестолковую.

Когда на моем теле не осталось и сантиметра, где бы ни побывали пальцы горгулий, и оно горело, словно натертое скипидаром, а лицо пылало от стыда, меня наконец-то оставили в покое. Лемех торжественно внес в спальню платье цвета морской волны с атласным лифом и юбками, состоящими из одних кружев.

– Я подумал, что этот цвет подходит к твоим глазам, – произнес он, раскладывая платье на кровати и любовно разглаживая его руками.

Я не очень внимательно его слушала, с изумлением анализируя собственное состояние. От усталости не осталось и следа. Изнурительные процедуры привели к поразительному эффекту – такому мощному заряду бодрости, какого не испытывала никогда.

– Нужно торопиться. Скоро явится Федор.

Показалось мне, или в голосе Лемеха проскользнули ворчливые нотки? Но додумать я не успела, потому что он, не церемонясь, потянул за пояс моего халата, и в следующий миг я опять оказалась голой. Как марионетка, честное слово! Никого не волнуют мои желания, все вертят мной, как того хотят. В душе всколыхнулась злоба, но и ей не судьба была разгореться – Лемех принялся натягивать на меня платье, и я разомлела от соприкосновения с прохладной нежной и струящейся по телу ткани. Какое-то райское блаженство.

– Ты великолепна! – вынес вердикт Лемех, обойдя меня одетую вокруг и пожирая восхищенным взглядом. – Мне даже страшно за тебя, – чуть тише добавил он.

Я бы с удовольствием пораспрашивала его о бале, о причинах его страхов, но помешал приход Федора. Он вошел в комнату, блестя начищенными подковами,

в черных фраке и шортах, в белоснежной рубашке, из расстегнутого ворота которой выглядывала мужественная мохнатая грудь, и застыл на месте. На лице его я наблюдала калейдоскоп эмоций – от радости до… страсти. Да-да, я и себе боялась признаться в том, что сейчас читала на его лице. Как до этого Лемех, так теперь Федор пожирал меня глазами. Он смотрел на меня, молча и не двигаясь, но мне казалось, что чувствую его руки на себе.

– Федор, – не выдержала и позвала его. Под его взглядом я уже начинала чувствовать себя неудобно. – Может, скажешь уже хоть что-то?

– Да он язык проглотил, – хохотнул Лемех. – И поделом, меньше чесать им будет.

И опять мне показалось, что между ними пробежала какая-то кошка. Когда только успели повздорить?

Федор заговорил, только обращался при этом не ко мне.

– Ты зачем ее так вырядил? – набросился он на Лемеха, а в меня лишь ткнул пальцем. – Ее же теперь трудно будет не заметить.

– Извините, – важно выпрямил спину начальник моих горгулий и посмотрел на Федора свысока. Ну не свысока, конечно, потому что был ровно вдвое ниже, но таким казался его надменный взгляд. – Инструкции еще никто не отменял. В правилах сказано, что приготовления к балу – наиболее тщательная процедура, что на балу возможно все. Вот мы и подготовили ее ко всему.

– Лучше бы я ничего не затевал, – с отчаянием посмотрел на меня Федор.

– Да что тут происходит?! – не выдержала и заорала я. – Объясните мне, пожалуйста, зачем сначала они, – я кивнула на Лемеха, – драят меня, как старую кастрюлю, а потом ты, – я вперила злой взгляд в Федора, – ругаешь их за это? Может, ну его нафиг этот бал? Останусь тут и буду продолжать слушать музыку?

– Еще чего! – возмутился Лемех. – Да я тебя пинками туда погоню, такая работа проделана.

– А ты?.. – ждала я ответа от Федора.

– А я… я буду умирать за тебя от страха, – грустно проговорил он.

Ну вот зачем он так смотрит на меня, словно прощается навсегда? На глаза наворачивались слезы, и я рисковала испортить искусный макияж, над которым так долго бился Лемех.

– Ладно, оставляю вас, – деланно-равнодушно пробасил тот. – Устал, как собака, и спать хочу умираю. Сатанинского вам веселья!

С этими словами он вышел из комнаты, а мы с Федором продолжали буравить друг друга глазами.

– Пошли! – внезапно подскочил он ко мне, схватил за руку и потащил из комнаты.

– Ну уж нет! – вырвала я руку. – Я требую к себе уважения! – пришла на ум цитата из какого-то старого кино. – Или ты опять станешь нормальным, или я никуда не пойду.

Сомнительный ультиматум, я и сама это понимала. Догадывалась, что Федор сейчас просто мечтает, чтобы я не высовывала носа из комнаты всю ночь, но слова сорвались с губ и удержать я их не смогла. Ничего не оставалось, как продолжать начатую игру. Именно поэтому я вскинула голову и смотрела прямо ему в глаза.

Федор какое-то время отвечал мне не менее упрямым взглядом, пока лицо его не разгладилось, и он не прервал поединок визави.

– Прости, – подошел он ко мне и провел рукой по щеке, задержавшись на шее. К слову сказать, мои плечи и шея оставались совершенно открытыми. Лемех мне даже не предложил что-то типа газовой накидки. Еще и поэтому я чувствовала себя очень неуютно, словно была голой. – Просто ты сегодня слишком красивая, недопустимо…

Странно так, но с тех пор, как стала замечать в глазах Федора намек на какое-то чувство ко мне, я перестала относиться к нему, как к черту. Сейчас мне казалось, что передо мной стоит обыкновенный мужчина, который собирается меня поцеловать. И, черт меня возьми, я хотела этого.

Лицо Федора все приближалось, и его губы уже практически касались моих. Я даже поднялась на цыпочки, чтобы стать к нему ближе, как он, словно опомнился, и отпрянул от меня.

– Давай не будем ссориться в твою первую ночь здесь, – с усилием сглотнув, произнес он.

Я затолкала разочарование подальше и так же деланно-весело ответила ему:

– А давай! Пошли?

Он мне подставил локоть, под который я его церемонно взяла, и мы, как чинная пара, выплыли из комнаты.

Глава 7

Под руку с Федором я шла через анфиладу знакомых комнат, но почему-то не узнавала их. То ли я так сильно волновалась перед балом, то ли изменилась сама атмосфера. Не сновали деловито горгульи, занятые каждодневными делами, не видно было ни чертей, ни людей.

– А где все? – запаниковала я.

Пустота пугала. Под высокими сводами раздавалось лишь эхо наших шагов. Ни разу до этого я не забредала сюда с наступлением ночи. Днем, когда рассматривала огромные люстры, свисающие с потолка, даже не догадывалась, что они вовсе не электрические, что бесчисленное количество свечей загораются в них, стоит только темноте прийти на смену дневному свету. На стенах тоже полыхали факелы, отбрасывая таинственные тени. Почему-то мерещилось что-то жуткое в их неторопливых сполохах. И этот запах горящего воска… В любое

другое время он показался бы мне приятным, напоминая, возможно, наши с мамой посиделки при свечах в те редкие минуты, когда выключали электричество. Но сейчас, почему-то, он внушал опасение, словно предупреждал о чем-то.

– Знамо где, на балу, – ответил Федор, крепче прижимая мою руку локтем.

– А мы?.. Мы опаздываем, значит? – еще сильнее занервничала я. Руки сами потянулись, чтобы поправить лиф платья. Ну кто только выдумал эти дурацкие фасоны?! Нельзя что ли было лямочки сюда приделать? Грудь же того и гляди вывалится на всеобщее обозрение.

– Так, Алина-малина! – резко остановился Федор и повернул меня к себе лицом, удерживая за плечи. – Перестань трястись, как перед судом инквизиции. Я тебя веду развлекаться, а не на скармливание василиску. Расслабься и получай удовольствие. А то твое состояние передается и мне.

– Почему-то страшно, – пискнула я, всматриваясь в лицо Федора, в поисках защиты сама не знаю от чего.

– Ничего не бойся. Я же с тобой и в обиду не дам. Считай, что у тебя появилась возможность познакомиться со всеми поближе, лучше понять наш образ жизни и обычаи. Ночь – это прекрасное время суток, когда возможно все. Это время чудес и исполнения желаний, наслаждения жизнью темного царства…

Я смотрела на лицо Федора и видела, как он воодушевлен. Глаза его горели восторгом, губы растягивались в счастливой улыбке… Как же нужно любить ночь, чтобы с такой экзальтацией о ней рассказывать.

– Сегодня ты затмишь всех, – посмотрел он на меня с такой теплотой, что на глаза запросились сентиментальные слезы, – потому что великолепна! Почувствуй себя королевой, Алина-малина.

Он быстро коснулся моего лба губами, и снова прижал мою руку локтем. Не могу сказать, что его речь успокоила, но, во всяком случае, желание бежать обратно пропало.

Музыка, которую до этого слух едва улавливал, становилась все громче по мере нашего приближения. Казалось, она лилась отовсюду, обволакивая меня, заставляя трепетать потаенные струны души, рождая в голове неясные образы чего-то прекрасного и запретного.

Хорошо знакомый зал, в котором я успела побывать не единожды, преобразился до неузнаваемости. Входили мы в него не через дверь, как привыкла это делать, а через огромные ворота, распахнутые настежь, словно приглашая присоединиться к веселящимся всех желающих. Зал был залит настолько ярким светом, что в первые мгновения он ослеплял, и только потом я заметила, что воздух над головами наполнен миллиардами искр, переливающихся всеми цветами радуги. В их свете мое платье преобразилось, заблестело перламутром, а на черном фраке Федора повсеместно вспыхивали и тут же гасли маленькие звездочки.

Пахло цветами с едва уловимой ноткой ванили. Зал был заполнен народом. От многоцветия нарядов пестрило в глазах. Никогда не видела сразу столько красивых женщин и экзотических мужчин в одном месте. Это напоминало костюмированный бал без строгой тематики. Кого тут только не было! Тут и феи были, и эльфы, и ангелы в белых одеждах с нимбами над головами. Женщины были одеты так, словно явились сюда из разных эпох. Кажется, я даже Мерлина разглядела в толпе.

– Они же не настоящие? – спросила я Федора, когда он усадил меня на диван, возле которого стоял небольшой круглый столик с напитками и легкой закуской.

– Маленькая глупенькая девочка, – с грустью посмотрел на меня он. – Разве таким здесь место? – окинул он взглядом толпу. – Это лишь отражение их прошлой жизни, или то, какими они бы хотели быть. Я же говорю, ночью возможно все – любая фантазия позволяется.

– А днем?

– А днем они становятся самими собой, до следующей ночи.

Вот почему днем тут так пустынно? Все эти существа живут ночью, а днем они прячутся от самих себя. Хотела бы я ошибаться, но что-то мне подсказывало, что так и есть. Легкая грусть поселилась в душе. В этот момент я встретилась

глазами с Лили. Конечно же, Джуди была рядом с подругой. Сегодня их облик не кричал броскостью, зато шокировал откровенностью. Обе они облачились в прозрачные туники, не скрывающие совершенства их тел. Воздушная ткань струилась по фигурам гарпий, маскируя газовой дымкой пышные формы. Я замечала похотливые взгляды мужчин, бросаемые на красавиц, и не могла не вспоминать, какими их видела однажды днем. Когда же они настоящие? По крайней мере, сейчас они счастливы, это отчетливо читалось на их лицах.

Джуди отделилась от небольшой группы и приблизилась к нам.

– А я первая сказала, что она настоящая красотка, – обратилась она к Федору, глядя при этом на меня и облизывая цвета лесного ореха губы. – Иди сюда… – потянула она меня за руку, вынуждая встать.

Краем глаза заметила, что на нас стали обращать внимание. Это совершенно не радовало, гораздо больше меня устраивало, когда мы с Федором оставались незаметными.

– Узнаю вкус Лемеха, – рассмеялась она, держа меня за руки и внимательно рассматривая мой наряд. – Ох уж и пройдоха он! Показал ровно столько, сколько необходимо. Я бы, конечно, вот здесь сделала поглубже, – с этими словами она резко дернула лиф моего платья вниз. Я даже сообразить ничего не успела, как грудь моя выскочила из корсета. Соски мгновенно встопорщились и уставились прямо на нахальную гарпию, которая уже заливалась веселым смехом.

Краска стыда не заставила себя ждать, заливая щеки, лоб и даже шею. Как назло, я поймала взгляд Федора, прикованный к моей груди. Ну за что мне это! Корсет никак не хотел натягиваться назад, или руки мои так дрожали, что ничего толком не могли сделать.

– Ну что ты, глупышка, – проворковала Джуди, проводя заостренным ногтем по одной из моих грудей. – Это же так красиво и естественно. У тебя идеальные формы…

– Убери руки! – прошипела я, распаляясь все сильнее.

Если бы в следующий момент она одним ловким движением не спрятала обратно в корсет мою грудь, случилось бы, наверное, что-то страшное. Даже Федор с

облегчением выдохнул, четко уловив мое настроение.

– Никогда больше так не делай! – грозно уставилась я на гарпию. – Слышишь?

– Это была шутка, глупышка, – надула она губы. – Ничего, скоро привыкнешь…

Она ушла, виляя бедрами, а я все еще пыталась справиться с возмущением. Никогда! Никогда я не привыкну к подобным вольностям!

– Выпей, – протянул мне Федор бокал с вином. – И успокойся, ничего страшного не произошло.

На его реплику я уже даже не смогла ответить, запивая возмущение вином. Что за место, и какие ненормальные нравы здесь царят! Выставлять напоказ свое тело, даже если оно идеальной красоты, лично я считала верхом пошлости. Кроме того, далеко не все женщины так красивы, как гарпии в человеческом обличье. Взгляд выхватил небольшую группу карлиц, держащихся поодаль от всех остальных. Вот, например, как они должны себя чувствовать, глядя на Джуди? Своими соображениями я поделилась с Федором, и его реакция меня, мягко говоря, озадачила. Взглянув на карлиц, он скривился и демонстративно сплюнул.

– Это отбросы, демоницы-отщепенки, – коротко ответил он.

– В каком смысле?

– Наш повелитель сделал их такими за неповиновение. Они образовали движение сопротивления – решили и по ночам оставаться в образах темного царства. А повелитель – большой ценитель красоты. За непослушание он наказал их – заставил по ночам носить уродливую человеческую оболочку.

– Какой кошмар! – пробормотала я. – А он и такое может?

– Ему подвластно все, – просто ответил Федор. – А эти, – кивнул он на карлиц, – сами виноваты. Вот посмотри на ту, что самая толстая и уродливая.

Я сразу поняла, о ком он говорит. На нее, действительно, было страшно смотреть. Лицо вроде и человеческое, но такое ужасное. Глаза вытаращены, словно того и гляди вывалятся из орбит. Зубы не помещаются во рту и два нижних клыка торчат вверх, едва ли не касаясь носа. На голове редкие волосы с большими проплешинами… Одним словом, страх!

– А знаешь, кто это? – отвлек меня от нездорового любопытства Федор.

– Ну конечно! Я же знакома со всеми демоницами-отщепенками с рождения.

– Язва, – усмехнулся он. – Так вот, это Лилит – жена Адама.

– Да ладно?..

Про Лилит даже я когда-то что-то слышала. И уж в том, что она была красива, не сомневалась.

– Вот именно. Не устраивала ее человеческая оболочка. Хотя лично я считаю это ханжеством. Она Адамом-то, будучи человеком, крутила, как хотела. Изменяла ему направо и налево, родила кучу детей от демонов, за что и оказалась здесь. И видите ли, проснулись в ней принципы, захотелось оставаться естественной. Ну не хочет повелитель по ночам видеть рогатых и хвостатых! Неужели, так многого он просил? Раньше она была верховной демоницей тут, сейчас же… ну ты и сама все видишь.

Я смотрела на Федора, уже забыв о Лилит, и пыталась определить, шутит он или говорит серьезно. Не похоже, что шутит.

– А как же ты?.. – вопрос вырвался, не успела сообразить.

– Что я? – непонимающе уставился на меня Федор.

– Ну ты говорил… – почему-то я робела, как будто пыталась сказать что-то неприличное. – Я имею в виду… рога и хвост, – выпалила разом.

– И что? – почесал он затылок в недоумении. – Ах, ты про мои рога и хвост? – осенило его.

– Ну да… Ты же говоришь, повелитель не любит этого.

– Какая же ты темная, Алина-малина, – ласково произнес он и приобнял меня за плечи. – Я же говорил о людях, вернее, тех, кто были ими когда-то. А черти всегда были, есть и будут чертями. Мы нелюди, если так тебе понятнее.

Как-то об этом я не подумала. Даже на «темную» не обиделась, получив справедливый упрек. Мне еще о многом хотелось расспросить его, но нам помешали.

– Любимый, я припасла несколько букетиков для тебя, – раздался за моей спиной мелодичный голос.

Вот уж не ожидала, что принадлежит он чертихе. Но рядом с нами стояла именно она. Я тут же вспомнила, что это она прожигала меня взглядом однажды. Тогда я еще подумала, что эта, с позволения сказать, дамочка, ревнует ко мне Федора. Несмотря на копыта, хвост и рога, выглядела она очень хорошенькой. Ее шерстка, в отличие от густого волосяного покрова Федора, смахивала на мутон, из которого шьют миленькие шубки. Она была так коротко пострижена и выглядела такой гладкой, что хотелось ее потрогать, погладить. И лицо ее было гораздо светлее, чем у Федора. Только вот светло-голубые глаза мне совершенно не понравились, смотрела она не по-доброму.

– Алина, познакомься. Это Софья – моя… хорошая знакомая, – на секунду запнулся он.

– Не скромничай, дорогой, – растянула чертиха губы в издевательской улыбке. – Я его любовница, – проморозила она меня взглядом.

Ответить ни я, ни Федор не успели. После трех громких ударов в гонг свет в зале из слепяще-яркого превратился в призрачно-мерцающий, зазвучала плавная мелодия, и в танце закружились первые пары.

– А вот и мой букетик, – промурлыкала Софья, приникая к Федору всем телом и доставая у него из петлицы три крохотных фиолетовых цветочка. Откуда он только появился? – Дорогой?..

Она смотрела на Федора вопросительно и явно чего-то ждала. Он медлил, на лице его отчетливо читалась борьба.

– Я ненадолго, – наконец, проговорил Федор и нехотя подхватил Софью под руку.

Через мгновение они присоединились к танцующим, а я осталась одна смотреть чужое веселье. Кроме меня не танцевали еще карлицы. Теперь я уже по-другому смотрела на них, наверное, прониклась позицией Федора. Впрочем, меня те тоже удостоили вниманием, буравя периодически злобными взглядами. Не хотелось портить вечер, и я переключилась на Федора с Софьей. А они красивая пара, нужно признать. И фигурка у нее ничего так. А ярко-желтое платье воблипон вообще отпад. И движется так плавно, не скажешь, что вместо ног у нее копыта… И почему мне так неприятно за ними наблюдать? Уж не ревную ли я? Только этого не хватало!

В попытке отвлечься, я поискала в толпе Лили или Джуди. Лучше бы я этого не делала. Эти две гарпии танцевали не в парах с партнерами и даже не друг с другом. Они кружились по залу вчетвером – гарпии и два высоких мужика. Периодически губы их сливались в поцелуях, то с одним, то с другим… Да они лизались безостановочно! Меня аж замутило от подобной распущенности. Если раньше я думала, что гарпии лесби, то сейчас поняла, что те ничем не брезгуют.

От нечего делать и чтобы не пялиться на гарпий, я наполнила бокал вином и прихлебывала его мелкими глотками. Танец закончился, и Федор вернулся ко мне. Но мы даже не успели переброситься парой фраз, как снова зазвучала музыка, и в его петлице появился очередной букетик, теперь розового цвета.

– Откуда они берутся? – изумилась я.

– Черт! – дернулся он и попытался вытащить цветы. Странно, но сделать этого не смог, а вот у Софьи получилось это с легкостью.

– Дорогой, приглашаю тебя на второй танец, – пропела она и, подхватив его под руку, снова увела в толпу танцующих.

Сдается мне, что так и просижу весь вечер одна. Не налить ли еще вина? – размышляла я, чувствуя в голове легкий хмельной туман.

– Такая красотка и скучает в одиночестве, – услышала я рядом приятный тенор.

А вот обладатель его мне совершенно не понравился. Я рассматривала высокого стройного блондина в кричащем бирюзовом фраке, отделанным золотистой парчой, и понимала, что он мне неприятен. С ужасно бледного, почти прозрачного, лица на меня смотрели какие-то бесцветные водянистые глаза. От мужчины веяло холодом, даже поежилась невольно. Даже губы его отливали синевой, словно вся кровь из них ушла.

– Потанцуем? – предложил он, протягивая ко мне белую руку с длинными пальцами и синими ногтями.

Я совершенно растерялась, не зная, что могу сделать или ответить. Только касаться его мне совершенно не хотелось. Казалось, случись это, и я моментально превращусь в ледяную скульптуру. Да и холоднее становилось все сильнее.

– Арктий! – раздался короткий окрик.

Мужчина дернулся и повернулся в сторону приближающейся к нам женщине. Настоящая цыганка! Настолько красива, что глазам больно смотреть на нее. Кудрявые волосы спадают на плечи и блестят в призрачном свете, огромные черные глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами, мерцают угрозой, коралловые губы плотно сжаты… Гибкий стан облачен в традиционный костюм с облегающим атласным лифом, переходящим в множество разноцветных юбок, украшенных золотыми монистами. Каждый шаг цыганки сопровождается мелодичным позвякиванием. Кто эта экзотическая красавица?!

– Убери от нее свои когти! – прошипела она, вплотную приближаясь к мужчине и глядя на него снизу-вверх. – Дважды повторять не стану.

Передо мной разворачивался захватывающий и очень опасный спектакль. Я даже дышать перестала, боясь пропустить хоть слово. Лицо Арктия менялось, особенно глаза. Сначала они стали черными, а потом постепенно в них разгорался красный свет, становясь все ярче, пока они не покраснели полностью. Рот ощерился, и из него показались два острых белых клыка.

Я бы уже бежала в страхе от этого чудовища, но смуглянка даже бровью не повела.

– Кого пугаешь, кровосос? – усмехнулась она. – Ее не трожь, понял? – указала она на меня пальцем, продолжая глядеть на бледнолицего.

Я ждала его ответа, но не дождалась. Вместо этого он перевел взгляд на меня и шумно втянул носом воздух.

– Я еще вернусь, – пообещал и исчез. Да-да, именно исчез. Вот только что стоял рядом, как его не стало. Лишь легкий холодок напоминал о его недавнем присутствии.

– А ты молодец! – проговорила цыганка, опускаясь рядом со мной на диван. – Не робкого десятка. Видела я, как ты чуть не растерзала рыжую бестию – Джуди, – рассмеялась она. – Поделом распутнице.

Я залюбовалась ею. Вблизи она казалась еще красивее и какой-то теплой. Но возможно, так думалось из-за все еще витающего вокруг нас холода.

– Не узнаешь меня?

Я потрясла головой, все еще не в силах говорить.

– А мы ведь с тобой встречались. И я едва не убила тебя, потому что ошибалась. Ты совсем не такая, какой кажешься с первого взгляда. Давай знакомиться еще раз – Василиса, – протянула она загорелую узкую кисть.

Ведьма Василиса?! Кажется, я опять открыла рот от изумления, потому что красавица покатилась со смеху.

– Привыкай, деточка, – отсмеявшись, проговорила она. – Здесь все не то, чем кажется. И остерегайся этого Арктия, – уже серьезно добавила.

– А кто он? – наконец, смогла вымолвить я.

– Демон-вампир, кровосос. Боюсь, заприметив тебя, он уже не оставит в покое. Но я теперь буду приглядывать за тобой. Видно, уж больно по вкусу ему пришелся твой запах. Вообще, девочка, остерегайся, – понизила голос Василиса и приблизила ко мне свое лицо. – Под оболочкой каждого, – обвела она глазами зал, – скрывается опасная личина. А ты всего лишь человек…

Всего лишь человек. Кажется, этот факт меня начинал тяготить. Первый раз мне захотелось обладать какими-нибудь сверхъестественными способностями, чего раньше за собой не замечала. А сейчас возникла необходимость защитить себя, если потребуется.

– А можете вы научить меня колдовству? – выпалила я, хватая Василису за руку и стискивая ее.

– Э-э-э… полегче, – высвободила она руку и немного отодвинулась от меня. А потом и вовсе начала придирчиво оглядывать, даже за спину зачем-то заглянула. – А что, это мысль. Можно попробовать, – с улыбкой заключила она. – Чувствую я в тебе потенциал.

А я-то как обрадовалась, едва ли не захлопала в ладоши. Еле удержалась, чтобы не обнять ведьму.

– Завтра и начнем, – подмигнула мне она. – Заниматься будем днем. Я сама найду тебя, не переживай. А пока, – она вытянула руки и направила их ладонями на танцующих, – сделаю ка я так, чтобы сегодня к тебе больше ни одна нечисть не пристала.

Произнеся всего три непонятных слова, она сжала руки в кулаки, а потом словно выбросила что-то и потрясла кистями.

– Ну вот, дорогая, можешь наслаждаться волшебной ночью и ничего не бояться. А я, пожалуй, пойду. Стара уже для такого…

И она исчезла. Да что же это такое! Церемониться тут явно непринято.

Вернулся запыхающийся Федор и грозно произнес:

– Больше никаких танцев! Надоела! – и метнул злой взгляд в толпу, хоть там и не видно было Софьи.

Но танцы итак закончились. Внезапно свет в зале погас и воцарилась пугающая тишина.

– Повелитель идет, – прошептал мне на ухо Федор, опаляя горячим дыханием и рождая стаю мурашек.

Глава 8

– Смотри туда, – снова прошептал Федор, поворачивая мою голову.

Я различила светящуюся точку, которая разгоралась все ярче, становясь все больше. Наконец, образовалось большое световое пятно, в центре которого на небольшом пьедестале просматривался трон с золотыми набалдашниками, который я видела не единожды.

– Трон – это повелитель? – не удержалась я от язвительности. Неизвестно почему, но представление меня раздражало.

– Не отвлекайся и смотри, острячка-самоучка, – укусил меня Федор за ухо, за что сразу же получил тычок под ребра. – Будет интересно. Повелитель никогда не повторяется.

Картинка начала меняться. Трон все больше расплывался, пока я с ужасом не увидела на его месте обыкновенное гинекологическое кресло. Дикость какая-то! Оно-то что тут делает?!

Дальше-больше – на кресле чудесным образом материализовалась женщина.

– Она рожает! – в ужасе прошептала я, чувствуя, как на голове шевелятся волосы.

Ноги женщины были широко раскинуты, а между ними уже появлялась голова ребенка. Он еще не вылез целиком, как широко разинул рот в беззвучном плаче. В зале по-прежнему царила тишина. Все всё видели, но ничего не слышали. Перед нами разворачивалось немое кино.

Картинка снова сменилась. Теперь перед нами была колыбель, а внутри нее черноволосый младенец. А потом кадры начали мелькать так быстро, что я не успевала как следует их рассмотреть. Вот малышу примерно год, и он делает первые шаги. Вот ему пять, и он красив, как херувимчик. В следующий момент на меня смотрел непримиримый подросток с утонченными чертами лица и длинными вьющимися волосами. Последняя картина меня шокировала до глубины души. Я видела красивого мужчину, которого лизали языки пламени. Ему было больно, я это отчетливо ощущала, но он смеялся и что-то говорил. Хотела бы я слышать! Как жаль, что кино немое.

– Да уж, на этот раз он превзошел самого себя, – обдал меня Федор горячим дыханием, прижимаясь губами к уху и кладя обжигающую руку мне на живот.

Это меня и отвлекло от страшного зрелища. Возмущение не заставило себя ждать, когда рука черта коснулась груди. Пока скидывала ее, кадр снова сменился. Собственно, все закончилось. На троне восседал удивительно красивый мужчина, в котором я узнала виденного чуть ранее подростка. Он лениво опирался на подлокотник и поддерживал голову рукой. Глаза были полуприкрыты, на губах играла легкая улыбка. Казалось, он находится в стадии пробуждения от чудесного сна. Одет очень просто – в свободную рубаху с глубоким вырезом на груди и закатанными до локтя рукавами. Рубаха была заправлена в обтягивающие черные лосины, наподобие тех, что носят балероны. Но простота наряда его нисколько не портила. Даже напротив, подчеркивала рельефные мышцы, тонкую талию, узкие бедра… Уф, признаюсь честно, таких красавцев мне раньше не доводилось встречать. Аж дух захватывало от великолепия!

– Это и есть Лю… или как его там?..

– Астрий, – схватил меня Федор за руку в предупреждающем жесте. – Запомни уже – его зовут Астрий и никак иначе!

– Ладно-ладно, отпусти уже, руку сломаешь!

Я же ничего не сказала, вовремя вспомнила.

В этот момент Астрий распахнул глаза, и я поразилась их цвету – молочного шоколада с золотистыми искрами, вспыхивающими то в одном, то в другом. Таких глаз мне тоже не доводилось еще встречать. Он смотрел в темноту, но мне почему-то казалось, что он все видел. Лениво шевельнувшись, Астрий выпрямился в кресле и с силой трижды ударил в ладоши. Вспыхнул яркий свет, и на какое-то время я ослепла.

– Тебе предстоит одно испытание, – уже нормальным голосом проговорил Федор, в то время как и все остальные ожили.

По залу прокатился сначала робкий, а потом все более громкий шелест. Народ зашевелился, послышался смех, приглушенные голоса. Я же пока была занята тем, что пыталась проморгаться и снова начать видеть. Поэтому не сразу и отреагировала на слова Федора.

– Что ты хочешь сказать? – дошло, наконец, до меня.

– Все, находящиеся в этом зале, обязаны поприветствовать повелителя. Тебе тоже придется это сделать, – терпеливо пояснил Федор, протягивая мне очередной бокал с вином. Напоить он меня, что ли, решил для храбрости?

– И как это будет проходить?

– А ты смотри… – повернул он меня к трону.

Я подметила, что середину зала освободили, образовав что-то типа узкого прохода. От гостей отделялись то целыми группами, то парами, то поодиночке. Торжественно приближались к трону. А дальше, кто низко кланялся, кто целовал руку Астрию. Были даже такие, что припадали к ногам повелителя. Последнее выглядело несколько унизительным, ну по крайней мере, в моих глазах.

– Я тоже должна идти туда?

Как-то мне не очень хотелось. Ради этого я даже была готова немедленно покинуть зал, сделав это незаметно. Федор заметил мой вороватый жест, когда

оглянулась на дверь, и покачал головой.

– Даже не думай, – предупредил он. – Уйти незамеченной не получится. Другие, может, и не обратят на это внимания, но повелитель будет об этом знать точно. Тебе же будет хуже.

– Я пойду туда одна?!

Паника приближалась нешуточная. Приковать к себе взгляды всех? И прежде всего, того красавца, что в расслабленной позе принимал почести… Подобная перспектива мне не улыбалась. Но и тут Федор поступил решительно. Схватив меня за руку, потащил за собой со словами:

– Пойдем, сделаем это по-быстрому и в числе первых.

От трона как раз отходили Лили с Джуди. Ну кто бы сомневался, что и приветствовать повелителя они будут парой. Ладно хоть самцов своих оставили на время.

Поравнявшись с нами, Джуди улыбнулась и шепнула мне:

– Смелее, детка. Сегодня он тебя не съест.

Я аж споткнулась. Не поддержи меня Федор, растянулась бы на глазах у всех. Впрочем, мое почти падение не осталось незамеченным. Поправив платье и подняв голову, я встретилась глазами ни с кем иным, как с самим повелителем. Он внимательно смотрел на меня, пока Федор практически волок меня к трону. Ноги я передвигала с трудом, попадая под власть все более панического страха. Взгляд Астрия не сулил ничего хорошего.

Только Федор было открыл рот, чтобы произнести слова приветствия, когда мы с ним остановились возле трона, как первым заговорил повелитель:

– Она человек! Что она тут делает?

Вот тебе на! Оказывается, людям тут не место. А предупредить меня об этом Федор забыл.

– Я пригласил ее, мой повелитель, – ответил черт, склонив почтительно голову. Впрочем, подобострастия в его голосе не было слышно, а вот собственное достоинство переливалось через край.

– Вот как? – протянул Астрий. К слову, мне он уже не казался таким уж симпатичным. И золотые искры в глазах внушали опасение, как-то не по-доброму они мерцали. – Чья она?

– Асмодея, – понизил голос Федор.

– Подойди, – обратился ко мне Люцифер. Я, как та ослица, решила, что про себя буду называть его только так. Правилами же это не запрещено? Нет!

Упрямиться не стала, хоть повелительные интонации в голосе и звучали оскорбительно. Приблизилась к нижней ступени пьедестала.

– Поднимись! – поступил очередной приказ.

Преодолев три ступени, оказалась в непосредственной близости от падшего ангела и не смогла сдержать дрожи. От него исходила опасность, я ее прямо кожей чувствовала. Не зря Федор все время пытался мне внушить, что опасней и более всемогущего существа нет. Невольно оглянулась на черта и заметила растерянность на его лице. Такого поворота событий он не ожидал, видно.

Люцифер встал с трона и приблизил ко мне свое лицо. Краем сознания уловила, как в зале снова повисла тишина. Видно, происходило что-то нетрадиционное, рождающее нездоровое любопытство. Эта мысль была последней в сознании, которое стало словно размазываться у меня в голове. Видела перед собой красивые глаза. Только искры сейчас перестали поблескивать в них, а плавно перетекали в меня, проникали в самую душу, рождая галлюцинации.

Теперь я просматривала свою жизнь, которую листали, как страницы в фотоальбоме. Вот я маленькая. Мы с родителями в зоопарке. Мой первый день в школе. Какая я смешная – с огромным белым бантом на макушке и с букетом больше меня в руках. О-о-о! А этот день я отлично помню! Мне тогда исполнилось пятнадцать, и родители подарили мое первое золотое кольцо. С розовым турмалином. С каким счастливым лицом я получаю подарок, как

радуюсь первой драгоценности. Вступительные экзамены в институт – я корплю над математикой, грызу карандаш и запускаю пятерню в шевелюру. Ну и прическа у меня! Пугало огородное. Родители устроили настоящий праздник, когда узнали, что я поступила. Как они счастливы, как все мы счастливы!.. Мама с папой ссорятся… они снова скандалят… и опять мама плачет тайком на кухне, а потом набрасывается на папу с руганью, стоит тому переступить порог дома. Когда все изменилось? Как получилось, что наша семья перестала быть образцово показательной. И снова скандал… я запираюсь в своей комнате, громко хлопая дверью. Так нельзя жить!.. И тут я задыхаюсь от ужаса. Вижу свою маму постаревшей, осунувшейся, с красными от постоянных слез глазами. Папа убит горем, костюм на нем висит мешком. Ссутулился и шаркает ногами, как древний старик. Мама!.. Папа!.. Силюсь крикнуть, но ничего не получается. Сознание снова размазывается, и меня выталкивает из омута. Золотистые искры покидают мои глаза и возвращаются к хозяину. Лицо Люцифера отдаляется.

Меня познабливало, как при температуре.

– Твой отец совершил ошибку, за которую теперь и расплачивается, – тихо проговорил он, не переставая смотреть мне в глаза. – Знаешь, почему люди так слабы и уязвимы?

Что я могла ответить? Что это не так, и я далеко не слабая? Я и сама уже ничего не понимала, кроме того, что мне ужасно плохо.

– Они думают, что меня не существует.

Они вообще о тебе не думают! – хотела ответить я, но не успела. Люцифер вернулся на свое место и устало отмахнулся.

– Она может остаться, – сказал он Федору. – Идите, развлекайтесь.

Пока возвращались по проходу, я ловила на себе взгляды. В большинстве из них помимо любопытства угадывалась скрытая радость. И чему они все радуются? Тому, что чувствую себя хуже некуда? Перед глазами стояли родители. Как они изменились, мое исчезновение их пришибло и того и гляди уничтожит.

На глаза навернулись слезы и принялись скатываться по щекам, впитываясь в легкую ткань платья.

– Не плачь, Алина-малина, – взмолился Федор, усаживая меня на диван, опускаясь на корточки рядом и беря за руки. – Дурак я, что привел тебя сюда. Не думал, что все так обернется, и ты до такой степени заинтересуешь повелителя.

Я бы и рада была перестать плакать, да только никак не получалось, как ни уговаривала себя. На нас все еще обращали внимание, теперь уже всех этих существ привлекали мои слезы. Надеялась только, что Люциферу не до меня, да и от его глаз нас скрывала пестрая толпа танцующих.

– Обычно церемония приветствия проходит очень быстро, повелитель практически не смотрит на нас. А сегодня… В общем, я рад, что все закончилось хорошо, – с воодушевлением воскликнул он, вскакивая и наполняя два бокала. – Давай выпьем за тебя. Ты очень мужественная девушка!

Сопротивляться я не стала – осушила бокал до дна. Зато высохли слезы, и в голове зародилась мысль.

– Послушай, – вцепилась я во фрак Федора. – Мне нужно передать весточку родителям. А иначе… иначе они умрут от горя и неизвестности, – голос мой дрогнул, но вроде слезы отступили окончательно. – Ты мне поможешь? – с надеждой заглянула я ему в глаза.

С ответом он не торопился, задумался. Я терпеливо ждала и очень надеялась.

– Я попробую это устроить.

На моем лице мгновенно засияла улыбка, потому что Федор поспешил добавить:

– Я сказал попробую, но не обещал ничего конкретного. Как понимаешь, тут такое не принято. И… давай поговорим об этом завтра.

Завтра! Конечно, завтра! Я напишу родителям подробное письмо, а Федор обязательно найдет возможность передать его им. Какой же он хороший, добрый! И как я благодарна ему!

– А давай потанцуем?! – вино сделало свое дело – в теле появилось легкость, а в голове хмельной туман. – Я тебя приглашаю!

Тут же в петлице Федора появился маленький букетик васильков. Вот, значит, откуда они берутся? Стоит только пожелать с кем-то танцевать…

У меня самый галантный кавалер. Как он подставил мне локоть, вел на середину зала!.. Словно королеву, бросая горделивые взгляды по сторонам. Я же старалась ни на кого не смотреть. Правда случайно скрестила взгляд с Софьей. Ну и естественно, эта самка взирала на меня не по-доброму. Хочет, пусть ревнует, мне-то что. Сейчас я хотела танцевать, тем более умела это делать неплохо. Ну когда-то… когда занималась бальными танцами. Очень надеялась, что навыки еще сохранила, не все забыла.

Танец закончился очень быстро, я только вошла во вкус. А поэтому быстренько соорудила в мыслях еще один букетик. Да и сам процесс мне понравился. Так прикольно было представлять лицо Федора со смешливыми глазами и мысленно дарить ему букетик. На этот раз цветы я выбрала другие – маленькие красные розочки. Их я тоже очень любила. И на Софью, которая, наверное, выпрыгивала из трусов, когда мы с Федором приняли стойку перед вторым танцем, мне было глубоко плевать. Не то чтобы хотела ее позлить, но себя-то я люблю больше. А сейчас я хотела танцевать.

На этот раз зазвучала более ритмичная мелодия, совершенно незнакомая мне, но очень цепляющая, заставляющая ноги пуститься в пляс. Пары сталкивались друг с другом, импровизируя кто как мог. Хаотичные движения пар чем-то напоминали хастл, когда кто-то один из партнеров задает характер танцу, а другой его подхватывает. В нашей паре ведущей была я, а Федор подстраивался, как мог. В какой-то момент он не выдержал, поднял меня в воздух и закружил по залу. Я откинула руки и голову назад и представила себя птицей, парящей в небе. Это было так здорово, что я счастливо рассмеялась. Что же они добавляют в вино? Откуда взялась эйфория, на волнах которой я буквально парила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volgina_nadezhda/razmah-kryl-ev-kniga_1

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити